

ГЕОРГИЙ МИРОНОВ

ПАССИОНАРНАЯ РОССИЯ

Георгий Миронов
Пассионарная Россия

«Новая Реальность»

2007

Миронов Г. Е.

Пассионарная Россия / Г. Е. Миронов — «Новая Реальность»,
2007

Книга известного ученого и писателя, действительного члена российских, зарубежных и международных академий, лауреата научных и литературных премий профессора Георгия Миронова включает написанные им за последнюю четверть века наиболее значительные работы, посвященные истории и культуре России X–XX вв. Используя термин, впервые введенный историком Львом Гумилевым, автор назвал свою книгу «Пассионарная Россия». Выделяя в десятивековой истории российского государства периоды наивысших взлетов в экономике, культуре, искусстве, автор включил в данный сборник избранные статьи, искусствоведческие эссе, литературные портреты. Книга написана живым языком, изобилует интересными примерами и, безусловно, найдет достойный отклик в сердцах читателей, интересующихся историей и культурой России.

© Миронов Г. Е., 2007

© Новая Реальность, 2007

Содержание

Об авторе	5
Пассионарная Россия	7
Объективный взгляд на российскую историю	9
«Популярная историография» Георгия Миронова	11
Гармония личности и Отечества	12
Коротко от автора	13
X–XVI века	15
ПЛАНЕТА ПО ИМЕНИ «РУСЬ» И ЕЁ КУЛЬТУРА	15
ЭПОХА «МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА»	33
Портрет в контексте истории. Государи	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Георгий Ефимович Миронов

Пассионарная Россия

Об авторе

Миронов Георгий Ефимович родился 21 мая 1941 г. в г. Петрозаводске. Окончив Петрозаводский государственный университет, работал преподавателем на кафедре новой и новейшей истории; окончил аспирантуру по специализации «история южных и западных славян», является автор более 200 публикаций по истории и культуре зарубежных славянских народов.

Кандидатскую диссертацию по вопросам новейшей истории Балкан защитил в Ленинградском государственном университете. Научную работу постоянно совмещал с творческой: был редактором, старшим редактором, сценаристом художественного телевидения, главным редактором кинопроизводства Карельского телевидения, выступал как автор передач по истории и архитектуре, изобразительному искусству.

В 1971–1973 гг. Миронов Г. Е. являлся сценаристом Главной редакции народного творчества Гостелерадио, редактором «Иностранного отдела» «Литературной газеты», с 1972 по 1992 г. – обозревателем Института научной информации по общественным наукам АН СССР, принимал участие в ряде международных симпозиумов и конгрессов по истории южных и западных славян. В 1973–1998 гг. работал в Государственной библиотеке СССР им. Ленина (ныне – Российская государственная библиотека) – был старшим научным сотрудником, зав. сектором, главным редактором системы ДИОР Информационного центра по проблемам культуры и искусства, старшим, а затем ведущим научным сотрудником Научно-исследовательского отдела по работе с читателями.

Во второй половине 80-х гг. Г. Е. Миронов разработал концепцию и стал инициатором создания многотомной библиотеки по истории российского государства. В 1991–1992 гг. участвовал в создании международного журнала-клуба «Магистериум» (работал зав. отделом), концепция которого предполагала подготовку 200 номеров, посвященных таким крупномасштабным темам, как «Космос», «Дитя», «Старик», «Океан» и т. д., освещаемым с естественнонаучной и культурологическо-искусствоведческой позиций.

В 1992–2002 гг. работал Главным специалистом Генеральной прокуратуры РФ, где основными направлениями его деятельности были аналитическая информация, связи с общественностью, книгоиздательская деятельность.

Библиотека «История государства Российского: Свидетельства. Источники. Мнения» (1995–2002 г.) в десяти томах представляет собой один из главных издательских проектов доктора исторических наук, доктора искусствоведения Г. Е. Миронова. Ранее в издательстве «Книжная палата» вышло собрание «История государства Российского: Историко-библиографические очерки», также охватывавшее период с X по XX век (1991–1995, в 4 томах, 3-х книгах), в котором была предпринята попытка создания своего рода популярной энциклопедии различных эпох в истории России.

Новый проект позволил ученому значительно расширить жанровые и композиционные рамки исторического повествования. При этом впервые в исторической науке пять эпох русской истории (X–XIV; XV–XVI; XVII; XVIII; XIX – начало XX в.) рассматривались столь системно, в рамках каждого тома представлены были история экономики, военного дела, архитектуры, политики, государственного строительства, искусства и. п.

С наибольшим вдохновением выступает он как автор очерков о людях («Портрет в контексте истории»), очерков и эссе по истории архитектуры, изобразительного искусства, реже – литературы.

Перу Г. Е. Миронова принадлежат многие статьи и очерки, опубликованные в периодических изданиях. В его произведениях также отражено искусство России XV–XX вв., кросс-культурные связи.

Кроме исторической библиотеки «История государства Российского» Г. Е. Миронов является автором и других книг по истории России.

Премиями и медалями отмечены его работы о Москве, российских реформаторах, о русских ювелирах...

Историк и искусствовед Г. Е. Миронов известен широкой читательской аудитории и как прозаик. В списки бестселлеров не раз включались его романы, изданные в России и других странах общим тиражом более полутора миллионов экземпляров. Всего у Г. Е. Миронова вышло из печати 16 романов и 5 повестей, а также несколько поэтических сборников.

Деятельность историка и писателя Г. Е. Миронова не осталась без внимания со стороны государственных и общественных структур – он был удостоен ордена «Знак Почета» и награжден многими медалями. Он является лауреатом премий имени А. Чижевского, имени К. Симонина, имени А. Фадеева, имени В. Маяковского, имени М. Ломоносова и др.

Исторические труды Г. Е. Миронова отмечены серебряной медалью «За выдающиеся достижения в XX веке» Международного научного центра в Кембридже (Великобритания). Американский биографический центр наградил его званием «Человек 1999 года». Он кавалер Международного ордена имени Константина Великого, Международного ордена «За заслуги в науке» – «Звезда Вернадского» III, II и I степеней.

Европейская академия наградила Г. Е. Миронова орденом «Наука. Образование. Культура» с вручением орденских знаков «Кавалера» и «Командора» Ордена.

За сохранение своими книгами исторических традиций России он отмечен орденом «За мужество и любовь к Отечеству», «Серебряным крестом с мечами на ленте» I и II степеней, орденскими знаками (всех трех степеней) Комитета кавалеров русских императорских орденов, Александровского комитета, орденом «За заслуги перед казачеством» (всех четырех степеней).

Его исторические изыскания отмечены также орденом «Верному сыну Отечества» I степени, золотой медалью и орденом М. Ломоносова «За вклад в развитие и укрепление государства Российского», медалью и орденом Св. Великого князя Дмитрия Донского и Преподобного игумена Сергия Радонежского «За служение Отечеству», серебряной медалью и орденом Г. Р. Державина «За служение Закону и Справедливости», серебряной медалью Св. Александра Невского «За труды ради Отечества», медалью А. С. Пушкина «Ревнителю просвещения», серебряной медалью А. В. Суворова «Ратнику Отечества», серебряной медалью Павла I «За веру», медалью «За выдающийся вклад в дело возрождения Русской Православной Государственности» и др.

Книги Г. Е. Миронова по истории России X–XX вв. были отмечены высокой наградой Русской Православной Церкви – «Орденом Благоверного князя Даниила Московского».

Г. Е. Миронов – действительный член двенадцати российских, зарубежных и международных академий, первый Вице-Президент Академии изучения проблем национальной безопасности. Он член Союза писателей, Союза журналистов, Союза художников, Ассоциации искусствоведов, Международный объединенный биографический центр включил статью о Георгии Миронове в сборник «Кто есть кто в современном мире» (М., 2000. С. 347–349).

Пассионарная Россия

Много есть загадочного в русском народе, в русской судьбе, начиная от истории формирования русской нации и оканчивая историей возвышений и падений ее славы и силы. Л. Н. Гумилев, лекции которого в 60-е гг. прошлого века так увлекали молодого аспиранта университета Георгия Миронова, называл такие взлеты – в экономике, военном деле, науке и искусстве – «пассионарными». И, по Льву Гумилеву лишь поняв закономерность пассионарных периодов в истории России, только и можно осмыслить закономерность смены эпох в истории, судьбоносность великого народа.

Сборник своих избранных статей, очерков, эссе по истории и культуре России X–XX вв. сам автор, историк и писатель Георгий Миронов, предложил назвать «Пассионарная Россия», подчеркнув тем самым основную тональность, пронизывающую всю книгу это рассказ, с любовью, уважением, восхищением, о своем Отечестве и своем народе. Пассионарные – высшие – взлеты в развитии страны, в формировании русской нации были в разные эпохи (военные победы, экономические реформы, шедевры в архитектуре, искусстве, литературе), но, по мнению ученого, и сами эти эпохи были пассионарными, – развитие России как могучего государства, населенного талантливыми и трудолюбивыми людьми, было поступательным.

Думается, сегодня особенно нужны книги по истории Отечества, – не просто увлекательные, не столько развлекательные, сколько развивающие в читателе чувство гордости за свою страну и свой народ.

Люди смеялись над великим Архимедом, продолжавшим рисовать формулы, когда в город уже ворвались солдаты неприятеля. Архимеда убили, а формулы остались. Для постижения своей связи со страной и народом, понимания роли прошлого в настоящем всегда есть время.

Нет такой формулы, ясной и строгой, как построения Архимеда, раскрыв которую, поймешь душу народа, а значит, и закономерность развития его истории.

Каждый очерк, каждая статья или эссе Г. Е. Миронова посвящены вроде бы частному вопросу – ювелирному искусству Древней Руси или экономическим реформам С. Витте и П. Столыпина, русским художникам или российским государям и т. д., но в совокупности – это как бы групповой портрет российских пассионариев, людей, за несколько столетий создавших могучее процветающее государство.

Наверное, в таком подходе есть своя тенденциозность, однако в отличие от стремления показывать историю России как смену мрачных периодов, череду провалов и неудач в войнах и реформах, а ее народ как скопище ленивых бездарностей, автор, не уходя от истины и строго ее придерживаясь, пишет о России великой и любимой.

«Истина историка и литературоведа всегда патриотична» – писал академик Д. С. Лихачев. Он же подчеркивал: «... в каждую эпоху есть свои ценности. Приобретение новых ценностей связано с некоторой утратой старых – это трагично, но это неизбежно. Уважать лучшее из прошедшего означает свести утраты к минимуму».

Интерес к истории своего народа, страны характерен для каждого нормального человека. Не зная прошлого, нельзя понять настоящее и предвидеть будущее. Но ведь еще Н. В. Гоголь писал: «Все мы очень плохо знаем Россию».

Историк и писатель Георгий Миронов, не навязывая читателю свои взгляды, свои симпатии и антипатии, помогает ему, тем не менее, лучше узнавать свою историю, а значит, – и свою страну, свой народ.

Естественно, в одну книгу невозможно вместить сотни статей, очерков и эссе, написанные Г. Е. Мироновым за несколько десятилетий. Вот почему автор выбирает такой прием, как «обозначение темы». Так, тему первого пассионарного периода в жизни Руси – от ее креще-

ния и до татаро-монгольского ига, автор представляет большим философским эссе «Планета по имени «Русь» и ее культура». Эпоха собственно формирования могучего русского государства при Иване III и Иване Грозном представлена портретами Ивана III, его жены царицы Софьи, Ивана Грозного, статьями об огромной роли в подъеме нового православного государства монастырей, с их художественной и книжной культурой, о том, сколь велика роль русской православной иконы в формировании культуры нашего народа. Эпоху XVII века ученый преподносит как время выдающихся достижений в иконописи, архитектуре, ювелирном искусстве.

В эпохе XVIII века Г. Е. Миронова привлекают такие сюжеты, как народная культура (резьба по дереву, лубок и другие промыслы) и высокопрофессиональная культура – с Академией художеств, достижениями русского классицизма в живописи, шедеврами архитектуры Баженова и Растрелли и т. п.

Вот уже много лет любимой эпохой ученого и писателя остается XIX век, которому специально посвящено несколько книг и множество статей, портретов, эссе. В наш сборник вошли портреты государей – Александра I, Николая I, Александра II, Александра III и Николая II, портреты выдающихся российских реформаторов – М. Сперанского, графа Витте, П. А. Столыпина. Широко представлена эссеистика Г. Е. Миронова – эссе и литературные портреты выдающихся деятелей культуры О. Кипренского, Карла Брюллова, И. Крамского, В. Сурикова. Автор предлагает взгляд на Россию XIX века сквозь призму сатирических произведений М. Салтыкова-Щедрина и отражение России XIX века в кинематографе, в народном искусстве и искусстве социально ангажированных художников – передвижников...

В целом книга избранных статей, очерков, эссе Г. Е. Миронова по истории и культуре России за десять веков Российского Государства предоставляет читателю уникальную возможность, прочитав этот прекрасный труд историка, ощутить прикосновение ко многим страницам истории Государства Российского, судьбам людей прошлого, получить возможность погрузиться в разные эпохи, занять досуг увлекательным чтением или – использовать эту книгу как «настоящую энциклопедию русской жизни».

С. В. Баранова, профессор, действительный член Европейской Академии (Париж), почетный профессор Мальтийского университета, почетный доктор Открытого средиземноморского университета (Рим), действительный член Академии изучения проблем национальной безопасности, Президент Корпорации «Развитие и Совершенствование»

Объективный взгляд на российскую историю

Работы доктора исторических наук, профессора, писателя Георгия Миронова хорошо известны мировой научной общественности. Его многотомные исследования «История государства Российского: историко-библиографические очерки» и «История государства Российского: Свидетельства. Источники. Мнения», вышедшие из печати в издательстве «Книжная палата» в 1991–2002 гг., представляет собой уникальное явление в историографии. Здесь информация об отечественной истории, сообщаемая как специальными, так и популярными печатными источниками, становится в широкий культурный и социальный контекст и преподносится таким образом, что оказывается равно интересна и доступна и профессиональным историкам, и самому широкому кругу читателей.

Практически, профессору Георгию Миронову принадлежит честь разработки нового жанра исторического исследования. По умению увидеть и осмыслить исторические события не только через собственные исторические источники, но и через источники литературные и изобразительные (живопись, архитектура, позднее – фотография и кинематограф) он занимает свою особую нишу в российской науке.

В рецензиях на книги Г. Миронова не раз отмечалось, что за последние два десятка лет он проделал работу, которая была бы не по плечу и большим научно-исследовательским центрам. Историком Г. Мироновым была создана уникальная многотомная энциклопедия русской истории, русской культуры, русской жизни.

Впервые в исторической науке пять эпох русской истории освещены в книгах Г. Миронова с точки зрения историков и экономистов, агиографов и филологов, архитекторов и искусствоведов и т. д. Впервые важнейшие эпохи в истории страны рассмотрены столь системно: в книгах Г. Миронова отражены история экономики и военного дела, архитектуры, политики, государственного строительства, искусства и т. п.

Впервые в исторической науке, одновременно с историографией, в книгах Г. Миронова на понятном широкому кругу читателей уровне приведены с комментариями исторические источники (полностью или же в извлечениях, фрагментах). Впервые произведения искусства и литературы рассматриваются в контексте истории и – как источники для изучения этой истории.

В рамках своей многотомной «энциклопедии русской жизни» автор предстает как специалист в военном деле и истории международных отношений, в экономике и политике. Однако с наибольшим вдохновением он выступает как автор очерков о замечательных русских людях («Портрет в контексте истории») и очерках, эссе по истории архитектуры, изобразительного искусства, литературы.

При всей условности такой периодизации русской истории, Г. Е. Миронов выделяет пять эпох, в рамках которых Россия (как единое и могущественное государство) и русский народ проявили наиболее ярко свои лучшие качества, пять веков, говоря словами Л. Н. Гумилева, «пассионарности» Государства Российского: X–XIV, XV–XVI, XVII, XVIII и XIX.

В предлагаемый читателю сборник избранных статей и очерков Г. Е. Миронова вошли его исторические статьи, искусствоведческие очерки, эссе, очерки о выдающихся людях и наиболее заметных русских художниках, в наибольшей степени, по мнению ученого, отразивших в своем творчестве свою эпоху...

При подготовке этого издания издатели сочли возможным объединить отобранные автором материалы в четыре основных блока: X–XVI, XVII, XVIII и XIX.

Издание рекомендуется и как увлекательная книга для чтения о русской истории, истории российского государства в самых разных ее проявлениях, и как своего рода энциклопедия

русской жизни, истории культуры и искусства России на протяжении пяти веков ее «пассионарности».

***В. В. Баранов**, профессор, доктор экономических наук, Президент Академии изучения проблем национальной безопасности*

«Популярная историография» Георгия Миронова

Уже несколько лет с интересом знакомлюсь с трудами Г. Е. Миронова о прошлом России и рекомендую познакомиться с ними моим ученикам. В сфере науки и просвещения, имеющей многообразные традиции, Г. Миронов утвердился как автор особого жанра – «популярной историографии», находящейся на стыке нескольких научных дисциплин (собственно историографии, истории, источниковедения, краеведения, литературоведения, искусствознания и, конечно же, библиографии и художественной литературы и даже искусства).

Свою позицию и избранный им путь реализации поставленной задачи автор обосновал в первой же книге своего большого многотомного проекта, посвященного истории России в X–XX вв., – книге историко-библиографических очерков «История государства Российского», изданной в 1991 г. Это был и научный обзор событий и книг, и рекомендация источников познания российской истории, научных трудов, памятников изучаемой эпохи, художественных произведений. Причем первая же книга по истории России, а ранее Г. Е. Миронов много лет занимался историей и культурой зарубежных славянских народов, обрела характер и пособия по истории развития науки и общественной мысли, причем не только в пределах России, но и за рубежом – созданное россиянами за рубежом справедливо вводится в круг явлений российской культуры. Автор владеет приемами научной популяризации, столь важными для достаточно углубленного восприятия достижений науки людьми, не имеющими специальной подготовки в этой области знаний.

Однако наблюдения Г. Е. Миронова имеют самостоятельное значение, важное и для ученых историков. Все это, несомненно, способствует внесению системного подхода в формирование исторического мышления, являющегося основой нашего общественного сознания. Книги Г. Е. Миронова, составившие многотомный проект, посвященный истории России на протяжении десяти веков, выполняют благородные просветительские функции (безусловно исследовательские в своей основе) и знакомят широкий круг читателей с современным состоянием наших знаний о прошлом, а также с современными методами изучения исторических знаний.

С. О. Шмидт, доктор исторических наук, профессор, академик Российской Академии образования, член-корреспондент РАН, член президиума Российского Фонда культуры, председатель Археографической комиссии Российской Академии наук

Гармония личности и Отечества

В наше очередное «смутное время» особенно привлекает объективный взгляд на русское прошлое, на – как говорил А. С. Пушкин – «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам». Это тем более ценно, что официальная правительственная политика Министерства образования и науки России в области преподавания отечественной истории сегодня носит, говоря мягко, непоследовательный характер: в двух третях вузов страны (а всего сегодня в России насчитывается до трех тысяч пятисот высших учебных заведений) эта история вообще не преподаётся (нет ни кафедр, ни курсов отечественной истории).

В этом контексте трудно переоценить усилия доктора исторических наук Г. Е. Миронова, который еще в 80-90-е годы прошлого века предпринял издание многотомной хрестоматии «История государства Российского (Свидетельства. Источники. Мнения. X – XX века,)», своего рода исторической энциклопедии для учителей и студентов, а сегодня предлагает вашему вниманию избранные статьи и очерки из этой энциклопедии, акцентируя внимание на гармонии отношений личности и государства в нашем Отечестве.

В этих очерках автор раскрывает наиболее яркие моменты этой гармонии: русская православная икона XVII в., ювелирное искусство XVII–XIX вв., живопись русского классицизма XVIII в., а также предлагает вниманию читателей избранные портреты тех наших соотечественников, кто в наибольшей степени выражал эту гармонию.

Такой подход Г. Е. Миронова тем более ценен, что подолгу жившие в России доброжелательные иностранцы, например, хорват Юрий Крижанич (1618–1683), доносили до своих современников за рубежом искажённый образ россиян: «иные народы считают русских обманщиками, изменниками, беспощадными грабителями и убийцами, сквернословыми и неряхами», писал Крижанич.

О «невежественных» и «недобросовестных иностранных писателях», публикующих свои трактаты о России на Западе, писала ещё княгиня Екатерина Воронцова-Дашкова, образованнейшая женщина своей эпохи, президент РАН при Екатерине II, в «Воспоминаниях» конца XVIII в.

Иными предстают Россия и русские в книгах Г. Е. Миронова: Россия как страна высокой национальной культуры и русские – как пассионарная нация, на разных этапах своего развития внесшая неопределимый вклад в мировую культуру.

И в своей новой книге следует Г. Е. Миронов заветам великого знатока русской души Ф. М. Достоевского, который в своем «Дневника писателя» пишет: «Тот, кто стремится судить Россию, должен оценивать её не по тому негодному, что делают от её имени, а по тем идеям и идеалам, к которым стремится русский народ».

Кавалер серебряной медали «За выдающиеся достижения в XX веке» Международного научного центра при Кембриджском университете (Великобритания) и многих других отечественных и иностранных наград, Георгий Миронов подтвердил своими трудами максимуму Горького: «Русская интеллигенция всегда была, есть и еще долго будет ломовой лошадью, впряженной в тяжелый воз российской истории».

***В. Г. Сироткин**, доктор исторических наук, профессор кафедры философии, политологии и культуры Дипломатической академии МИД России, профессор Сорбонны, действительный член Академии изучения проблем национальной безопасности*

Коротко от автора

*Посвящается моей жене, другу,
коллеге историку и искусствоведу
Ларисе Малишиной.*

Прежде чем вы откроете первую страницу этой книги, уважаемый читатель, несколько предварительных замечаний.

Это книга для чтения, обращенная ко всем интересующимся отечественной историей и желающим систематизировать свои знания в этой области. Поэтому в книге нет списков литературы, хотя в самом тексте автор упоминает крупнейших историков, экономистов, агиографов, археологов, искусствоведов и их книги. Именно потому, что книга не является научной монографией, автор позволил себе ряд условностей, органично вплетающихся в концепцию книги, но весьма уязвимых для критики. Это относится и к периодизации. Мною поставлены задачи показать не столько эпохи пассионарности, сколько взлёты такой пассионарности в истории нашего Отечества в разные столетия. Поэтому то, что я называю в книге «эпохи», не всегда совпадает с веком. Субъективны и критерии отбора статей, очерков, эссе, написанных в разные годы или специально для сборника. В меньшей степени эти материалы освещают военную, экономическую, социальную историю, в большей степени – историю созидания и построения Государства Российского, проведения реформ и противодействия им. Историю архитектуры, изобразительного искусства представляет целый ряд статей, очерков, эссе, тогда как история кинематографа, театра, музыки освещена лишь в контексте других тем. Эта книга даёт представление читателю не только о разных сторонах жизни нашего Отечества, но и об интересах и пристрастиях автора.

Один из любимых жанров автора, введённый уже в первые книги серии «История Государства Российского», «портрет в историческом интерьере». В этих очерках автор пытается столько же оправдать, сколь и осудить, больше же всего – понять исторические персонажи, взвешивая на весах времени удачи и неудачи, достоинства и недостатки людей, в наибольшей степени определявших на разных этапах нашей истории пассионарные взлёты России. Вот почему рядом с государями-реформаторами, такими как Александр II, в книге есть и портреты тех российских императоров, которых ранее было привычно относить к «реакционерам». Ибо и в их правление были поразительные взлёты России в военном деле или поэзии, экономики или живописи... Этот толерантный подход сохраняется в книге и применительно к историческим персонажам второго плана, таким, например, как Победоносцев. Все помнят, кто был реакционером-противником реформ Витте и Столыпина. А то, что по его инициативе были созданы в России церковно-приходские школы, способствовавшие повсеместному распространению грамотности среди крестьянства, а это, в свою очередь, определило пассионарность российского крестьянства во время проведения аграрной реформы Столыпина, помнят далеко не все. И так во всех случаях – однозначных фигур в нашей истории не было. Пассионарии определяли пассионарность того или иного периода нашей истории, а этот период уже готовил будущих пассионариев. И так все десять веков, о которых идёт речь в данной книге.

В чём ярче всего проявлялась пассионарность нации? Прежде всего, в архитектуре. Если у пассионарности есть своя мелодия, то дошедшие до нас памятники архитектуры предстают перед нашими глазами как застывшая музыка той или иной эпохи. Эта мысль определила первый «альбом» в изобразительной части книги.

Нам хотелось, учитывая не совсем обычную концепцию этого издания, предложить не просто иллюстрации к каждому очерку или эссе, а создать имеющие право на самостоятельное

существование своеобразные «видеоряды» образов, символизирующих пассионарность нации в разные эпохи.

Второй «темой» для такого «альбома» стала русская православная икона – хороший повод для читателя задуматься о роли православия в пассионарных взлётах русского народа.

Третий «альбом» кажется совсем уже случайным для иллюстративной концепции исторической книги – «ювелирное искусство, мелкая пластика». Непосредственной связи с пассионарностью у ювелирного искусства нет. Но согласитесь, что не может быть великим народ, не имеющий своей национальной идеи не только в архитектуре, вере, но и в красоте.

Прекрасны соборы и иконы, но красота в чистом виде, не одухотворённая православной верой, а созданная лишь на основе национального понимания прекрасного, дорогого стоит.

И последний «альбом». Тут уж вам, читатель, возразить будет нечего, ибо именно в «портретах» видна пассионарность народа. Этот приём я использовал ещё в книгах по истории России, написанных во второй половине прошлого века. Лица дворян до Отечественной войны 1812 года и после – разные, лица крестьян до освобождения от крепостного ига и после – разные, лица купцов, «выломившихся» из свободных людей, и тех, что стали предпринимателями, когда им дали свободу предпринимательства, – тоже разные. И у стрельцов и казаков разные лица.

Необычайно интересно рассматривать лица русских людей, постепенно меняющиеся на протяжении столетий. Объяснение многих странностей в русском человеке ищите в портретах.

Я уже не говорю о том, что и памятники архитектуры, и иконы, и ювелирные украшения, и портреты, на которых запечатлены изменения в одежде, причёсках, ювелирных изделиях, орденах и т. д., интереснейшие и для самостоятельного изучения источники постижения российской истории.

Как видите, эта книга и по содержанию, и по оформлению весьма необычна и субъективна. Весь вопрос в том, совпадут ли представления автора о национальной идее, о православной духовности, о пассионарности русского народа с вашими представлениями, дорогой читатель.

Желаю вам интересного путешествия во времени.

Х–XVI века

ПЛАНЕТА ПО ИМЕНИ «РУСЬ» И ЕЁ КУЛЬТУРА

География русской души

Этот термин впервые ввел замечательный русский философ Николай Бердяев в сочинении «Судьба России».

В статье, вошедшей в книгу «О власти пространства над русской душой», Н. Бердяев пишет о «внутренней судьбе» русского народа. С внешней, позитивно-научной точки зрения, отмечает он, огромные русские пространства представляются географическим фактором русской истории. Однако с более глубокой, внутренней точки зрения эти пространства можно рассматривать как внутренний, духовный факт в русской судьбе. Это – «география русской души».

Примечательно, что именно с «географии русской души» начинается своя «Историю России» и С. Соловьев. Раскройте еще раз первый том этой истории, прочитайте, возможно, пропущенный вами большой фрагмент и обратите внимание на то, что основная тема истории, по формулировке самого С. Соловьева, – «Природа русской государственной области и ее влияние на историю». Лейтмотив главы, фраза в самом ее начале: «... племена эти ведут образ жизни, какой указала им природа страны». Как ни странно, именно материалисты-атеисты долгое время при рассмотрении сюжетов русской истории обходили этот, казалось бы, сугубо материалистический источник загадочности русской души. В русском человеке, считал Н. Бердяев, нет узости европейского человека, концентрирующего свою энергию на небольшом пространстве души, нет расчетливости, экономии пространства и времени, интенсивности культуры. «Власть шири над русской душой порождает целый ряд русских качеств...»

Параллельное чтение при изучении истории – занятие чрезвычайно увлекательное. Например, весьма полезно читать параллельно литературу агиографическую, литургическую и – книги по истории архитектуры и изобразительного искусства – тогда, возможно, сумеешь понять феномен побед русских в сражениях и феномен русской храмовой архитектуры. А историю живописи Русского Севера не поймешь, не читая одновременно историю Господина Великого Новгорода, ибо – они взаимосвязаны.

Так же увлекательно читать одновременно С. Соловьева и Н. Бердяева, их рассуждения о происхождении русской духовности и формировании «географии русской души». А без этого чтения трудно продвигаться в понимании источников и факторов формирования в истории России тех или иных эпох.

Увернемся от брызнувшей иронии по поводу известных тютчевских строк о непонятности России – прислушаемся к Николаю Бердяеву.

Есть много загадочного в русском народе, русской судьбе, начиная от истории формирования русской нации и кончая историей возвышений и падений ее славы и силы. Понять это чрезвычайно важно, осмыслив – по Льву Гумилеву – закономерность пассионарных периодов в истории России, только тогда и можно будет понять закономерность смены эпох в истории, судьбоносность великого народа.

И для Л. Гумилева, и для С. Соловьева, и для Н. Бердяева в истории России были не одни отгадки. Напротив, загадок и для них было больше. Одна из главных – соотношение между понятиями «русский народ» и «огромные русские пространства».

Между народом, который многие называли «безгосударственным», и созданным им могучим русским государством. По мнению С. Соловьева, географическое положение России было таково, что «русский народ принужден был к образованию огромного государства».

Огромные пространства, считал С. Соловьев, легко давались русскому народу, но «не легко давалась ему организация этих пространств в величайшее в мире государство, поддержание и охранение порядка в нем. На это ушла большая часть сил русского народа». По Л. Гумилеву, взлет сил – взлет государства, пассионарный период в развитии физических и духовных сил народа определял «золотой век» в развитии государства. Однако взлет физических возможностей народа определялся окружающей средой, природой и географией. А взлет духовных сил?

Что заставляло русских совершать воинские подвиги, преодолевать во имя идеи сильного государства гордыню, самолюбие, раздробленность? Что двигало теми русскими, что шли не с мечом, а с иконой «завоевывать» новые земли, «приращивать» Россию?

«Второе Отечество»

Протоиерей Александр Мень в лекции, прочитанной 8 сентября 1990 г., высказал простую и глубокую мысль, оставшуюся в памяти и в душе. Человек имеет две родины, два отечества, сказал он. – «Одно отечество – это наша земля. И та точка земли, где ты родился и вырос. А второе отечество – это тот сокровенный мир духа, который око не может увидеть и ухо не может услышать, но которому мы принадлежим по природе своей. Мы дети земли – и в то же время гости в этом мире».

И далее о. Александр Мень доносит до собравшихся одну очень важную мысль: «Человек в своих религиозных исканиях бесконечно больше осуществляет свою высшую природу, чем когда он воюет, пашет, сеет, строит».

«Умом Россию не понять», если историю длиной в тысячу лет рассматривать без учета роли православия в духовной жизни русского народа. Именно в православии своем русский народ более проявил себя на протяжении веков, нежели в том, как пахал и строил. И пахал он, и строил, исходя из своего христианского мироощущения.

Человек по своей природе слаб, но есть *сила*, которую оставил ему на земле Христос и которая дается человеку даром. По-русски она так и называется – *благодать*. Благо, которое дается даром. Не зарабатывается, не добывается в бою. А – даром...

Именно здесь сокрыто коренное отличие от других религий. Христианство проповедует: ты можешь себя усовершенствовать, – но «до Бога добраться невозможно, пока он сам к тебе не придет». Человек должен прилагать усилия, бороться с грехом, стремиться к самосовершенствованию. Однако все это работа как бы подготовительная, а затем приходит благодать – через внутренний опыт встречи с Богом.

Свое введение к книге «Православное богослужение. Таинство, слово и образ» (1991) о. Александр Мень так и начинает: «В отличие от всех других учений христианство зиждется не просто на системе взглядов или заветах своего Основателя, а на опыте постоянного живого общения с Ним Самим».

Русский народ принял христианство в период пассионарный в его развитии. И потому, слава Богу, обошлось без некоего комплекса неполноценности, который мог возникнуть у народа, принявшего религию, уже достаточно распространенную в мире. Интересные рассуждения на эту тему находим у митрополита Илариона, первого русского священника, поставленного князем Ярославом, без согласования с императором и иерархом в Константинополе, – митрополитом (в 1051 г. после смерти митрополита-грека). Человек замечательной образованности, автор знаменитого сочинения «Слово о законе и благодати», он дал новый, политически злободневный портрет эпохи и поворот классической темы. Поскольку благодать выше закона,

рассуждал русский священник, значит, новое нередко выше старого. Тогда народы, крестившиеся позднее, вовсе не хуже тех, кто принял крещение давно, и притязания Византии на старшинство по отношению к Руси не имеют оснований.

Да и вообще в самом факте крещения никакой особой заслуги Византии нет. Крещение произошло по собственному желанию русских, это лишь первый шаг, и русский народ ожидает великое будущее.

Открыв в себе «второе Отечество», русский народ сумел укрепить и первое. Говоря словами академика Б. Раушенбаха, передовая и мощная держава «возникла из конгломерата варварских племен на глазах изумленной Европы за время жизни двух поколений».

Без понимания духовных идеалов православной Руси не понять ни закономерности формирования определенных эпох русской истории, ни завтрашнего дня России. Ибо вне зависимости от распространения в сегодняшней России православия корни его сидят глубоко и определяют по сей день менталитет русского человека. А значит, и будущее наше можно увидеть, лишь поняв прошлое.

Святость как источник пассионарности

Одним из тех, кто считал, что исконные духовные идеалы православной Руси имеют непреходящее значение и исключительно важны для современности, был выдающийся русский агиограф Георгий Федотов (1886–1951) – историк-мыслитель и публицист мирового масштаба. Он, говоря словами одной из рецензий на его труды, стремился услышать в документах, в памятниках голоса истории. При этом, не искажая фактов и не отбирая их искусственно, он «подчеркивал в прошлом то, что могло бы пригодиться в настоящем». Значительная часть его трудов посвящена изучению русской святости, ее истории и религиозной феноменологии.

«В русских святых мы чтим не только небесных покровителей святой и грешной Руси: в них мы ищем откровения нашего собственного духовного пути», – писал Г. Федотов во введении к знаменитой своей книге «Святые Древней Руси».

Если мы не обманываемся в убеждении, что вся культура народа в последнем счете определяется его религией, то в русской святости найдем ключ, объясняющий многое в явлениях и современной, секуляризованной русской культуры, писал Г. Федотов. Работая над своей книгой, он изучил огромный массив агиографической литературы Древней Руси. Жития святых были излюбленным чтением наших предков. Даже миряне списывали или заказывали для себя житийные сборники. Сегодня жития святых для нас – интереснейший исторический источник Древней Руси как особой, ни на какую другую не похожей планеты.

Однако здесь читателя ждет серьезное препятствие, некий подводный риф. Дело в том, что напрямую обращаться к житиям святых как к историческим источникам не только нецелесообразно, но и опасно. Мистики тут никакой нет. Просто историческую информацию из них может извлечь лишь специалист.

Интересен опыт В. О. Ключевского. Работая над исследованием «Древнерусские жития святых как исторический источник» (1871), он изучил по рукописям 150 житий в 250 редакциях – и в результате многолетних исследований, значительно позже, пришел к самым пессимистическим выводам. За исключением немногих памятников, остальная масса русской житийной литературы оказалась бедна содержанием, представляя чаще всего литературное развитие или даже копирование традиционных типов. Но специалист-агиограф, каким был, к примеру, Георгий Федотов, даже из небогатых историческим содержанием житий умеет извлечь жемчужины исторической информации.

Дело даже не в физической затрудненности обращения к источникам (из 150 житий или 250 редакций, известных еще В. О. Ключевскому, напечатаны не более полусотни преимуще-

ственно древнейших памятников, остальной же материал лежит в рукописях), а в сложности осмысления их и извлечения исторической информации.

Вот почему не к рукописям, а к очеркам агиографа-профессионала отсылаю я любознательных читателей, пытающихся понять феномен русской святости, связь жизни и жития, роль образов русских святых в нашей духовной жизни.

Тихий голос громкой истории

История Древней Руси – история громкая...

Прислушайтесь: ржание коней, звон мечей, скрежет секир по щитам, крики раненых – битвы, которые вели наши предки за землю Русскую.

А вот другие громкие звуки: перезвон колоколов храмов в церковные праздники, громкое пение крестных ходов, выкрики скоморохов на масленице, крики офень на ярмарке. Не в характере русского человека понурая молчаливость.

Однако есть и тихая песня, и тихая молитва, и тихая колыбельная. А еще – тихий голос русской литературы той эпохи. Впрочем, это не более чем авторский прием, с помощью которого я хочу подвести читателя к другой теме для размышлений. Ибо академик Д. С. Лихачев, говоря о негромкости голоса древнерусской литературы, имел в виду нечто другое: отсутствие в ней гениальных взлетов, приглушенность в ней авторского начала. Действительно, не было в ней ни Шекспира, ни Данте. Это скорее хоровое, нежели сольное пение.

Но вот что поразительно: не имея выдающихся солистов, древнерусская литература поражает величиим целого, монументальностью общего, слаженностью и соборностью.

Негромкость древнерусской литературы – не от слабости голоса. Просто литература первых веков первого тысячелетия после Рождества Христова была ближе к фольклорности, чем к индивидуальному творчеству писателей нового времени. Как не было, скажем, в резьбе по дереву безымянных пермских мастеров, в вышивках безымянных вологодских кружевниц, в литье безымянных олонецких кузнецов своих Джотто и Донателло, так не было в русской литературе той поры своих Шекспиров и Данте. Правда, чуть позднее в живописи мы видим крупные фигуры Рублева и Ушакова, Феофана Грека и Дионисия. Однако, во-первых, это позднее – о них рассказ в следующих очерках, а во-вторых – и в них традиция побеждала индивидуальность. Искусством неиндивидуальным была и древнерусская литература. Д. С. Лихачев очень точно заметил: древнерусские писатели не зодчие отдельно стоящих зданий, они – градостроители, работающие над грандиозным ансамблем.

Удивительное свойство древнерусской литературы, также давно замеченное: неправда в ней прикрывается вымыслом, а вымысел маскируется правдой. Все описанные в древних источниках события либо реально имели место, либо считались свершившимися. Обратите внимание, древнерусская литература почти не знает условных персонажей. Имена действующих лиц в житиях святых и летописях совпадают! Все действующие лица – исторические персонажи, а не придуманные: Борис и Глеб, Феодосии Печерский, Александр Невский, Дмитрий Донской, Сергей Радонежский...

При этом древнерусская литература рассказывает о тех лицах, которые действительно сыграли значительную роль в исторических событиях. Поняв это, можно понять и на первый взгляд завышенную самооценку русских – и наших древних предков, и наших современников: воспитывались-то на героических, выдающихся примерах, на судьбах героев, полководцев, святых, мыслителей, реально повлиявших на судьбу России.

А как же юродивые, подвижники, отшельники? – спросит ироничный читатель. Какие «битвы» выиграли они? Может быть, самую главную, отвечу я, битву за «второе Отечество», за сокровенный мир духа, без которого не было бы ни могучего и богатого талантами русского народа, ни великого государства, им созданного, так как именно этим нашим предкам средне-

вековые историки и писатели приписывали влияние на ход мировой истории, их молитвами, их нравственным воздействием на людей укреплялась Древняя Русь не меньше, чем походами и сражениями князей и их дружин...

Жития святых людей строились по анфиладному принципу: со временем каждое житие дополнялось новыми свидетельствами, описанием посмертных чудес. Несколько житий одного святого могли быть соединены в новое произведение.

Новыми сведениями дополнялась и летопись. Окончание летописи как бы отодвигалось, продолжая дополняться новыми сведениями о новых событиях. По точному замечанию Д. С. Лихачева «летопись росла вместе с историей». Так же дополнялись хронографы, исторические проповеди. Разрастались сборники поучений...

Любой историк или литературовед ясно понимает ущербность и уязвимость предлагаемого читателям собрания: самые обстоятельные хрестоматии, антологии, издания текстов предлагают источники, вырванные из их органичного окружения в рукописях. Но ни один нормальный читатель, не являющийся в сей сфере узким профессионалом, просто для пополнения образования не осилит многотомные Великие Четы Миней, летописные своды, прологи, златоусты, измарагды, хронографы. И потому, читатель, примите как данность, поверьте специалистам на слово: сложившиеся в древнерусской литературе огромные, писавшиеся десятилетиями сочинения объединялись в своеобразный общий «эпос», рассказы людей о мире и его истории.

Можно ли по фрагментам судить о целом? Наверное, да. Важно не забывать, что здесь предлагаются лишь малые фрагменты, целое же – велико и огромно, величественно и всеобъемлюще.

Древнерусская литература, конечно же, оказывала значительное влияние на формирование духовности русского народа. Однако было и обратное влияние – литература формировала историю, как история – литературу.

История Древней Руси была богата событиями. И каждое новое событие требовало нового освещения. Появлялись новые святые – нужны были новые жития. Насущные потребности сегодняшнего дня требовали новых проповедей и публицистических произведений. Развивающееся самосознание диктовало необходимость исторического самоопределения русского народа. Русские уже поняли себя как бы изнутри, свое предназначение и судьбу. Оставалось постигнуть себя в пространстве, в мире и мировой истории. Жития и притчи были известны и ранее византийцам, «нашим учителям» в православной и книжной культуре.

Летопись была новым жанром. «Повесть временных лет» определила – впервые – место русских в остальном мире, нарисовала картину образования государства Русского.

Так же историческая действительность и потребности древнерусского общества вызвали к жизни новые жанры и виды литературы. Литература тесно переплеталась с историей, история – с реальной жизнью, святые, чьи подвиги описывались в житиях, реально жили, существовали на этой земле, герои летописей – это наши реальные предки. Даже герои притч имеют конкретных прототипов. Все переплелось и спаялось за сотни лет. Как понять целое, не поняв составные части? Без частных нет истории, нет прошлого. Вот почему даже данные в выборках, фрагментах произведения великой эпохи помогают ощутить ее аромат. Увидеть бескрайность лесов, полей, пашен, равнин... Сотни тысяч пахарей-смердов, возделывающих землю, и воинов, обороняющих ее от врага. Увидеть леса, полные дичи, реки, кишачие рыбой. Услышать крики, лязг металла битв, и песни девичьи свадебные, и плачи бабы по погибшим воинам. Старинные летописи и другие литературные источники позволяют птицею пролететь над деревнями и городами Древней Руси, увидеть умелых мастеровых, зодчих, возводящих храмы и дворцы, крепости и часовни.

Не идеализируя прошлого, не забывая о том, что жизнь была жестокой и суровой, жесткой и немилостивой, порой короткой и бессмысленной, помнить и о другом: в те далекие века великий народ воздвигал великое государство – Наше Отечество. А что краше своего дома?

Звучат лишь письма

Из древней тьмы на мировом погосте звучат лишь Письмена. Подавляющая доля свидетельств истории принадлежит слову. Исследователю, скажем, XX в. истинное раздолье, множество интереснейших источников – переписка, мемуары, документы, книги, архивы государственные и личные. Но чем глубже в толщу веков забирается историк, тем сложнее. Пытаясь восстановить «связь времен» русской истории XII–XIV вв., придется ограничиться лишь летописями, сохранившимися в поздних списках. Очень немного сохранилось официальных актов, памятников законодательства, редкими жемчужинами поблескивают произведения художественной литературы и канонические церковные книги. По сравнению с веком XIX – капля в море, достаточная, чтобы лишь насадить на кончик пера исследователя, однако вот вы пытаетесь проникнуть еще глубже в эпохи русской истории и убеждаетесь, что X–XI вв. еще скуднее на письменные источники. Почему застроенные каменными палатками, дворцами и крепостями Италия или Франция сохранили для своих обитателей века XX значительно больше письменных источников тех далеких эпох? Да вот как раз потому, что здания в основном были каменные. Русь же была в основном деревянной, и во время частых в старину пожаров выгорали целые города со всеми накопленными столетиями сокровищами, в том числе иконами, книгами, рукописями.

И все-таки, пусть в более поздних списках, летописи многие сохранились и доносят до нас объективный взгляд современника на исторические события, на реальные исторические персонажи. Читай летопись и представляй себе, как жили наши предки. И опять начинающего историографа ждет жестокое разочарование. Летописцы – живые люди – и привносили в свои записи свое видение событий и героев, свой субъективный взгляд на эпоху. Безоговорочно верить им нельзя.

Мало того, летописцы рассказывали о крупных, ярких, потрясших Отечество событиях – на века. Всякие пустяки – быт, нравы, повседневную реальность – как одевались, как работали и что ели их современники, все это оставалось вне поля их зрения, казалось сиюминутным, неинтересным потомкам. А нам ведь весьма любопытно, как, скажем, учился в Древнем Новгороде в местной школе смысленный мальчик по имени Охрим. Или как сватались, как крестили детей, как умирали, как праздновали масленицу и Рождество, что носили бояре и смерды, воины и землепашцы, что ели в скоромные дни митрополиты, а что в «красные дни» – князя, как работала разведка Древней Руси и как готовились с вечера к утреннему сражению. Все интересно, даже элементарные торговые отношения наших пращуров, – мы ведь заново строим эти самые рыночные отношения, вполне понятные жителям Древнего Новгорода.

Все эти проблемы, вопросы, когда речь заходит о Древней Руси X–XIV вв., повисают в воздухе. Но их подхватывают... археологи, которые буквально, по меткому замечанию выдающегося нашего археолога, многолетнего руководителя Новгородской экспедиции МГУ В. Л. Янина, – «выкапывают их из-под земли». «Мы расчистим остатки древних жилищ, узнаем, какими приемами пользовались наши предки при изготовлении оружия и орудий труда, украшений и утвари, – писал В. Л. Янин в своей книге «Я послал тебе бересту», которой в середине 60-х гг. прошлого века зачитывалась с восторгом и изумлением «вся советская страна». – Мы восстановим в деталях окружающую средневекового человека обстановку, и для нас станет яснее он сам, подобно тому, как если бы мы зашли в незнакомый дом и, не застав в нем хозяина, составили представление о нем по его вещам».

Археологические раскопки во многом дополнили летопись, позволили увидеть фон летописного рассказа, однако голос человека той поры, опять же по выражению академика В. Янина, оставался неслышен. Его озвучили лишь... берестяные грамоты, обнаруженные в 1951 г. экспедицией МГУ под руководством профессора А. В. Арциховского в Новгороде.

Впечатление от открытия было потрясающим. Из-под земли были извлечены тексты, написанные нашими предками 500–800 лет назад... И в них было то, что никогда не попадало в летописи: повседневная жизнь. Что только не узнали мы о Древней Руси благодаря найденным в Новгороде берестяным грамотам: и о взаимоотношениях новгородцев с жителями нынешней Карелии, и о бартерных сделках, осуществляемых с ближними соседями, и о семейных отношениях горожан. Нашли даже книжку с картинками, относящуюся к XIII в... Она вошла в общую нумерацию берестяных грамот под номером 419».

И дело здесь даже не в новых фактах, новых деталях исторического быта, подаренных берестяными грамотами, все дело – в самой атмосфере Древней Руси, аромате эпохи, который не мог быть передан поздними летописями или находками археологов. «Через много веков, – писал в начале 60-х гг. В. Л. Янин, – мы первыми познакомились с людьми, память о которых была полностью истреблена временем спустя какое-нибудь столетие после их смерти. На протяжении многих веков ни один человек на Земле не знал о них, прошедших по жизни, казалось бы, без следа. И вот теперь мы снова слышим голоса этих людей, вникаем в их заботы, видим их перед собой».

Штрихи к портрету предка

Видим-то видим, но – лишь как бы внутренним взором. Читая древние берестяные грамоты, мы, конечно же, представляем людей, которые их писали. Это как бы портрет, дописанный нашей фантазией. Но не сохранилось ли портретов того времени? В нашем нынешнем представлении о портрете, конечно же, нет. И все же, все же...

Ведь сохранились иконы X–XIV вв. А «икона» – это переделанное на русский лад слово греческое «экой», что значит образ.

Происхождение свое православная икона ведет от эллинистической портретной живописи. В частности, среди ее «предков» – замечательные фаюмские портреты I–III вв. н. э.; написанные на досках восковыми красками изображения реально живших людей были найдены в местах их погребения в оазисе Фаюм в Нижнем Египте. И дошедшие до нас византийские иконы VI–VII вв. н. э. обнаруживают несомненное сходство с фаюмскими портретами. Первые иконы на Руси были греческого письма и, следовательно, доносили до нас, при всей условности такого предположения, изображения не древних наших предков, а древних византийцев и греков. Однако уже в XI в. рядом с греками работали русские мастера, а они, при всей строгости и необходимости соблюдения канонов, приносили в иконы и свое, русское, в частности черты своих современников в статичные изображения святых...

И вот что еще интересно: как известно каноны были жесткие, и иконы в целом были похожи, где бы ни писались. И все-таки уже в XIII–XIV вв. появляется своеобразие в манере письма икон новгородских и псковских, ярославских и московских.

Однако сегодня нам сравнивать их сложно, и основное представление о станковой живописи той эпохи сложилось у нас на основе новгородской школы. Произведения этой школы дошли до нас в значительно большем числе и лучшем состоянии, чем работы иконописцев других русских земель того же времени.

С 30-х гг. XIII в. нашествие монголов надолго задержало естественное развитие культуры нации, художественная жизнь во времена ига на Руси лишь тлела. Новгород же, окруженный лесами, топями, болотами, делался для неприятеля труднодоступным и не испытал в полной мере последствия нашествия. Однако и здесь несколько десятилетий не возводились храмы, а

стало быть, и не развивалась иконопись. Немного создавалось. Немного сохранялось столетия. Единицы памятников той эпохи дошли до нас...

«Памятник прежде жившим... воспоминания о прошедших делах». Так определил назначение иконописи известный живописец XVII в. Симон Ушаков, ставивший весьма высоко мастерство своих предшественников из веков XIII–XIV...

Люди творческие и самолюбивые, они не желали ограничиваться переписыванием при строгом соблюдении установленных канонов икон греческого письма, а создавали свою, русскую икону, причем «праобразцом» изображенных на ней святых нередко выступали вполне реальные люди, современники или недалекие предки. Так, нетрудно попытаться увидеть черты реально живших в Древней Руси князей Бориса, «сидевшего» в Ростове Великом, и Глеба, «сидевшего» в Муроме. Коварно убитые их сводным братом Святополком, метко прозванным Окаянным, братья были после гибели канонизированы, причислены к лику мучеников. Первые русские святые... Свидетельства о них бережно собирают в глубине веков агиографы. Но и иконописцы щедро отдали дань этому сюжету... Одна из самых ранних икон ростово-суздальской школы, датируемая концом XIII – началом XIV в., как и более поздняя новгородская конца XIV в., – передают нам облик князей как людей вполне реальных. Пытливый «изучатель древностей» может сам сравнить князей на иконах и... в летописях. Вот, скажем, как описывал современник князя Бориса: «Ростом высок, станом тонок, лицом красив, взглядом добр, борода и усы малы, ибо молод еще». Вроде бы и не сильно богатая характеристика. Однако бесспорно – портрет индивидуальности, которую нетрудно увидеть и на иконах той эпохи... Индивидуальности не только княжеской, но и... крестьянской. По точному замечанию М. В. Алпатова, характерной особенностью древнерусской иконописи, отвечавшей социальной структуре Древней Руси, было наличие в ней слоя «господского» и «крестьянского». Среди икон той эпохи мы находим роскошные работы мастеров из княжеских центров, при всей условности такой постановки вопроса, но вольно или невольно, прямо или косвенно передающие облик своих иконных прототипов, и изделия посадских и крестьянских мастеров, более бедные по материалу, незамысловатые по исполнению, но также несущие в себе внешние черты людей определенных социальных групп Древней Руси.

Впрочем, связь иконы с внешним видом реально живших в данную эпоху людей – в контексте этого очерка – вовсе не цель исследования, скорее, средство втянуть читателя в далекий, возможно, от его интересов разговор об иконописи Древней Руси. «Портретное сходство» с нашими предками персонажей икон – вещь трудно доказуемая. Мне здесь хотелось подчеркнуть, что уже в первые десятилетия после освобождения от татаро-монгольского ига в русской иконописи намечается развитие своей, национальной школы, независимой от византийской. В XI–XII вв. на Руси действительно преобладала еще иконопись византийского характера, преимущественно большого размера, иконы походили на фрески. Изображались величественные, спокойные фигуры с устремленным на зрителя взглядом. В иконах XI в. больше спокойствия, в иконах XII в. – больше драматизма. Меняются эпохи, меняются иконописные концепции. Складывается русская школа, и «персонажи» икон своим внешним видом все более напоминают жителей Древней Руси, нежели Византии... В XIII–XIV вв. в некоторых работах сохраняются и развиваются традиции иконописи домонгольской эпохи. Однако появляются все больше явлений нового порядка, возникает удивительное явление в иконописи – так называемый русский примитив. Вынужденный разрыв с домонгольской школой, старыми традициями помогал складыванию национальной русской школы. Рублев и Дионисий появятся позднее. Но ведь для того, чтобы пришли в русское искусство эти гении, потребовались десятилетия XIII – начала XIV в., когда безвестные мастера закладывали основы будущего расцвета русской национальной иконописи.

Любить русскую икону как произведение искусства может представитель любой религиозной конфессии. Понять ее как феномен русской культуры вне русского православия невозможно...

Прежде всего, каждому, останавливающему свой взор на русской иконе, надлежит знать, что писались они людьми чистыми и благочестивыми, которые в обществе Древней Руси пользовались репутацией людей высоко нравственных. Иконы могли писаться лишь убежденными в истинной правдивости того, что изображалось на досках и фресках. По словам М. Алпатова, глубокая человечность древнерусской иконы не только в том, что большинство их посвящено образу прекрасного, возвышенного человека или богочеловека. Человечность в том, что все, что в них изображено, соразмерно разумению, чувствам и переживаниям человека, окрашено его сопереживанием. Икона Древней Руси проникнута чистой верой ее писавшего, но лишена фанатичной страстности. В этом одна из ее коренных особенностей и отличий. Она добра...

На одной иконе Богоматери XIII–XIV вв., экспонируемой в Третьяковской галерее, рукою ее владельца была написана целая молитва о спасении жизни князя и архиепископа и об избавлении от нашествия иноплеменных. По сути дела, каждая древнерусская икона – молитва.

Нетрудно изучить древние источники, запомнить сюжеты древнерусских икон, усвоить каноны тех лет. Не поняв икону Древней Руси сердцем, научившись лишь «толковать» ее сюжет и рассказывать об эпохе, ее породившей, современный человек рискует пройти мимо этого уникального явления нашей национальной культуры, остаться глухим к призыву, читаемому посвященным в глазах иконных «персонажей». С верой иконы писались. С верой и постигаются. Ибо икона не есть окно в реальный мир – при всех внешних схожестях иконных святых и реально живших людей, при всей достоверности изображенных в иконных клеймах эпизодов реальной жизни князей, монахов, дружинников, крестьян – икона если и окно, то в мир потусторонний – это к концу жизни поняли крупнейшие наши искусствоведы, заложившие основу науки о русской иконописи, – М. Алпатов и В. Лазарев. Древнерусская икона еще и тем уникальна, что давала представление об обоих мирах – реальном и потустороннем.

Исследователь В. Лазарев в последней своей работе (рукопись лежала на его столе в день смерти, 1 февраля 1976 г.) «Русская иконопись от истоков до начала XVI в.» приводит тому необычайно красноречивое подтверждение.

В Третьяковской галерее хранится уникальная икона, так называемое Устюжское Благовещение, происходящая из Георгиевского собора Юрьева монастыря под Новгородом. Чем же она уникальна? Сцена Благовещения представлена в ней в редчайшем иконографическом изводе – со входящим в лоно Богоматери младенцем. В верхней части иконы изображен в полукружии Ветхий Деньми, от чьей руки идет прямой луч к лону девы Марии. Тем самым художник показал с предельной для его времени (речь идет о ранней эпохе древнерусской иконописи XI–XIII вв.) наглядностью, что действительно воплощение Иисуса Христа произошло по воле всевышнего в момент благовещения. В. Лазарев в связи с разбором этой иконы пишет: «Для конкретного мышления новгородцев очень характерно, что художник либо заказчик остановился именно на данном иконографическом варианте. В связи с этим невольно вспоминается один рассказ, приведенный в прибавлении к Софийской I летописи под 1347 г. Здесь повествуется о поездке новгородцев в земной рай, который они во что бы то ни стало хотели увидеть своими глазами, иначе говоря, хотели убедиться, как и на иконе, в конкретности того, что по природе своей было трансцендентным».

И опять – в седой старине глубокой находим новое подтверждение странности и привлекательности духовной жизни наших предков.

Можно выучить наизусть сотни страниц искусствоведческих текстов, проштудировать десятки томов и не понять в русской истории ее главного стержня, на котором и строилось здание русской православной духовности, – своеобразности духовной жизни русского право-

славного человека, равно доверчиво относившегося к реальному и трансцендентному, одинаково старательно постигавшего красоту окружающего его мира материального, мира природы, и мира духовного, мира веры, и одновременно – стремительно создававшего вокруг себя гармоничный мир красоты (храмы, иконы, произведения мелкой пластики, ювелирные украшения, посуду и т. д.).

«Красно украшенная земля русская»

«О светло светлая и красно украшенная земля Русская!» – восклицает автор древнего памятника нашей письменности «Слова о погибели Русской земли». И далее перечисляет «многие красоты», удивляющие на Руси, – озера и реки, горы и дубравы, «города великие» и «села дивные». Все в гармонии и многообразии, вдохновляющем художественное творчество народа...

«Не счесть утрат, понесенных художественным наследием Древней Руси, – пишет Лев Любимов в «Искусстве Древней Руси», – от беспощадного времени и не менее беспощадного невежества. Погиб целый океан красоты. Однако не счесть и художественных богатств, оставленных Древней Русью, которыми и по сей день украшена наша земля».

Из восторга и удивления перед окружающим гармоничным миром, гармонии души, рождаемой православием, перешла красота в повседневный быт – в вышивку и резьбу по дереву, в ювелирное и гончарное искусство, в кузнечное да плотницкое мастерство.

Также, как вера, архитектура, живопись, церковное пение, слово сливались в синтез искусств, в удивительную гармонию прекрасного в православном храме, так и окружающая человека в повседневном его быту красота – в предметах быта, украшениях, одежде и т. д. – сливалась в гармонию бытия.

Врожденное чувство прекрасного, стремление к красоте – ее постижению и ее созданию, столь убедительно выразившиеся в архитектуре, иконописи, фресках, деревянной скульптуре Древней Руси и столь ярко запечатленные в летописном сказании о «выборе веры» (выбрали на Руси веру с самым красивым обрядом), – все это позволило уже в эпоху X–XIV вв., условно обозначенную как Древняя Русь, вобрать русским в себя, воспринять и использовать для своих творческих задач художественную систему Византии с тем, чтобы на рубеже эпох, к концу XIV в., дать возможность русскому гению достичь полного расцвета, истинной самобытности.

Если истоки высоких достижений в архитектуре, храмовой росписи, иконе, мелкой пластике XI–XIV вв. нужно искать в менталитете русского народа, формируемом православием, то истоки высоких достижений в русской архитектуре, искусстве, ремеслах последующих эпох лежат, конечно же, в Древней Руси.

Как перья удивительной жар-птицы сверкают сквозь толщу веков произведения прикладного искусства, созданные нашими предками. И благодарить за этот праздник мы должны прежде всего археологов. Именно на основе археологических находок XX в. были созданы исследования Н. В. Покровского, М. В. Седова, Б. А. Рыбакова, М. М. Постниковой-Лосевой, Н. Г. Платонова, Т. В. Николаевой, Н. Г. Порфиридова, А. Д. Арциховского, С. М. Темерина, Ю. Л. Шаговой, М. Д. Полубояринова, Г. Н. Бочарова и др.

Особенно удивительными, открывшими нам многогранный талант русских людей, живших в X – XIV вв., были открытия, сделанные археологами в Новгороде. И не только художественный гений народа помогали понять бережно вынутые из земли произведения древних мастеров, но и психологию древних новгородцев, их быт, нравы, всю сложную и противоречивую историю новгородской республики. Если мы хотим понять свои истоки, основы нашей современной культуры, нужно заглянуть в историю Господина Великого Новгорода.

Так, произведения прикладного искусства, сохранившиеся на протяжении веков в новгородской земле, помогли понять тесную связь, существовавшую между прикладным и изоб-

разительным искусством – монументальной и станковой живописью, миниатюрами и орнаментами рукописных книг. Выдающийся художник, искусствовед и реставратор Игорь Грабарь в одной из своих ранних статей оставил необычайно яркую и эмоциональную, в то же время научно точную зарисовку:

«Одного взгляда на крепкие, коренастые памятники Великого Новгорода достаточно, чтобы понять идеал новгородца – доброго вояки, не очень обтесанного, мужиковатого, но себе на уме, почему и добившегося вольницы задолго до других городов, предприимчивого не в пример соседям, почему и колонизировавшего весь гигантский Север; в его зодчестве – такие же, как он сам, простые, но крепкие стены, лишённые назойливого узорочья, которое, с его точки зрения, «ни к чему», могучие силуэты, энергичные массы.

Идеал новгородца – сила, и красота его – красота силы. Не всегда складно, но всегда великолепно, сильно, величественно, покоряюще. Такова же и новгородская живопись – яркая по краскам, сильная, смелая, с мазками, положенными уверенной рукой, с графами, прочерченными без колебаний, решительно и властно».

Становление своего стиля уже в XII в. и расцвет новгородских ремесел были продиктованы целым рядом причин. К этому времени города российские, и в частности Новгород, окончательно приобретают характер ремесленных центров. В нем начинают создаваться ремесленные объединения. Хозяйственный подъем Новгорода сопровождается общим подъемом культуры. Появляется светская литература. Одна за другой возводятся церкви и монастыри, для украшения которых требовались самые различные предметы – от литургической утвари до простейших лавок. Ремесленник постепенно от работы на заказ переходит на работу для рынка. Возникают мастерские, объединяющие ремесленников с определенной специализацией.

Так возникает в Новгороде уже в первой половине XII в. крупная мастерская серебряного дела, объединив при себе чеканщиков, резчиков, ювелиров, эмальеров, в XIV в. мастерская вновь расширяется, объединив еще и мастеров меднолитейного дела...

Тогда же, в XII в., в Новгороде возникают и с каждым последующим веком расширяются мастерские резчиков по дереву, мебельщиков, костерезов и т. д. А поскольку в культуре все взаимосвязано, то, скажем, под влиянием развития деревянной резьбы особое своеобразие приобретает орнаментика новгородской рукописной книги. С подражания резьбе по дереву начинали первые резчики по кости, влияние стилистики резьбы по дереву долгое время чувствовалось и в серебряном деле.

И в каждом ремесле новгородцы достигали уровня, как сейчас сказали бы, мирового класса.

Обработка металла, скажем, в Новгороде всегда занимала лидирующее место среди ремесел, новгородские серебряники упоминаются в летописях. Мастерские ювелиров были открыты археологами. Даже в слоях XI–XII вв. видно, что мастера умели делать и уникальные украшения, и недорогую серебряную посуду, иконки, украшения из меди и бронзы. Наряду с литьем уже с XI–XII вв. ремесленники Великого Новгорода знали чеканку, ковку, скань, эмаль по золоту и меди. Вещи были удивительно красивы не только по форме, но и по цвету. Так, скажем, до нас дошли эмали той эпохи с сочетанием синего, зеленого, красного, голубоватого цветов. Как никогда ранее в X–XII и позднее, в XIII–XIV вв., ремесла и искусства развивались в удивительном синтезе, воздействуя друг на друга. И, скажем, те же медальеры и эмальеры следовали за живописью фрески и иконы. Однако связь была не только между ремеслом и искусством, существовали невидимые нити, соединяющие ремесла и искусства древнего Новгорода и средневековой Европы, – мастера Новгорода Великого – это очевидно уже при первом сравнении – прекрасно знали произведения западноевропейских коллег.

Искусство в эту эпоху, как и в иные, отражало общее состояние страны и народа, – татаро-монгольское иго задержало рост архитектуры, редко стали строиться храмы, – и тут же это «культурное торможение» отразилось на прикладном искусстве, иконе, фреске – стало меньше

заказов... А художники и ремесленники той поры ещё не умели «работать в стол». Но – и это очень важно для последующего развития культуры – художественная традиция при этом не прерывалась! Особенно в художественных ремеслах не прекращался непрерывный творческий процесс. И, может быть, в большей степени, чем в других странах, в Древней Руси, скажем, в XIII в. народное творчество, по меткому замечанию Г. Бочарова, «буквально пронизало и оплодотворило все виды искусства». В Новгороде этот процесс проявился особенно заметно. Ибо здесь, под влиянием народных художественных вкусов, грекофильское направление слабело все быстрее, все громче заявляли о себе свои, национальные стилистические особенности, приемы, грани.

И вот что интересно: то, что национальное побеждает в стилистике, подтверждается и тем, что национальное побеждает в тематике. Так, под влиянием народных традиций и сказок в прикладное искусство, в икону и фреску все более проникают «свои» святые – типа Георгия, свои герои – вроде Александра Невского...

Русский историк И. Рыстенко, автор опубликованного в 1900 г. труда о легендах, посвященных святому Георгию, определял время сложения русских духовных стихов о Георгии и драконе концом XII – первой половиной XIII в. В то же время Георгий-змееборец начал вытеснять в русской живописи и прикладном искусстве Георгия-воина. И большинство памятников с изображением Георгия дошло до нас тоже из Новгорода. «Чудо Георгия о змие» сделалось излюбленным сюжетом в искусстве как Новгорода, так и прилегающих областей, и далеких «сфер влияния», как, например, Карелии – с XIII в. Причем на Севере Георгий становился, пожалуй, самым любимым и распространенным святым (в какой-то степени с ним мог «соревноваться» лишь святой Никола) и воспринимался здесь как символ борьбы с суровой природой и языческими племенами. Недаром, как писал А. П. Шапов в работе «Древние пустыни и пустынножители на северо-востоке России» (СПб., 1906), на путях новгородской цивилизации воздвигались многочисленные церкви, посвященные Георгию.

И тут происходит очень важная с точки зрения формирования русского православного менталитета метаморфоза, замеченная когда-то нашим замечательным искусствоведом Г. К. Вагнером: происходит постепенное преломление византийских иконографических изводов в местные, складывающиеся на Руси традиции. Уже в первой половине XII в., как заметил Г. К. Вагнер, новгородские художники наделяли Георгия чертами как мученика, так и воина: на нем не только хитон и плащ, но и доспехи, он держит в руках крест и меч. А ведь иконографические изводы, совмещающие в одном лице и мученика, и воителя, были неизвестны в византийской иконографии! Сложение их происходит на русской почве, а символика приспособляется к реальной действительности. Вслед за Георгием и чисто русские страстотерпцы Борис и Глеб тоже начинают изображаться с мечом и крестом.

Отход от жестких византийских канонов, стремление к созданию своего, чисто русского стиля началось, скорее всего, в прикладном искусстве, а уж потом перешло вначале на иконопись, а затем и на фреску. Отпечаток народных вкусов хорошо заметен на серебряных панагиях XIII в. Интересный пример высказанного выше тезиса – небольшая шиферная иконка XIII в. в серебряной сканной оправе в Троице-Сергиевой лавре. На фоне иконы – плохо читаемая надпись «Святой Георгий». Изображение всадника, поражающего копьём змия, выполненное в высоком рельефе, чрезвычайно наивно и во многом напоминает глиняные народные кони-игрушки. Фигура Георгия большеголова, с маленьким туловищем, по замечанию исследователя троице-сергиевской коллекции Т. В. Николаевой, – словно вырезана из дерева и напоминает найденные на Севере деревянные иконы-рельефы.

Происходит, если так можно выразиться, русификация искусства Древней Руси, постепенная замена жестких византийских канонов своими русскими, продиктованными нередко народным творчеством, обогащенным народным, сельским ремеслом. В искусство XIII в. приходит обобщенный и лаконичный рисунок, упрощенная композиция, некоторая, выражаясь

формулой Г. Н. Бочарова, «простоватость образов, а иногда и примитивизация стиля». Вначале – в прикладном искусстве, вслед за ним – в иконописи. И вновь, спустя какое-то время, отшлифованные иконописцами новые каноны возвращаются в прикладное искусство. Так, созданные в новгородской литейной мастерской и обнаруженные археологами литые иконки с Георгием XIV в., по наблюдению Н. Порфиридова, свидетельствовали об интересе мастеров к определенному иконографическому типу, весьма близкому к реально жившим в то время новгородцам, и изображали крепких, хорошо сбитых, коренастых, приземистых мужичков. Трактовка изображений – плоскостная, подчеркнута силуэтная, как и в живописи той поры, которую обстоятельно исследовал В. Н. Лазарев. Причем ремесленники-литейщики изготавливали литые изделия для самых широких кругов новгородского люда и, в соответствии со вкусами своих заказчиков, привносили в свои (часто напрямую именно заказанные) изделия черты народного примитива. Причем, не боясь нарушить иконографию, мастера смело вводили в литые новые художественные приемы и земные, реалистические детали. Так, например, по наблюдению Г. Бочарова, орнаментальный прием или мотив «веревочки», украшающий рамки иконок новгородских литейщиков, явно шел от литых деревянных пилястр-колонок, оформляющих новгородскую мебель и другие бытовые изделия XII–XIV вв. Одно ремесло влияло на другое, все вместе – на икону и фреску, а потом обогащенные ими приемы и мотивы возвращались обратно. Шло складывание национального искусства, основанного на православии, но возвращенного на сочной почве народных, исконно русских представлений и об окружающем мире, и о прекрасном.

Вот еще любопытный пример, подтверждающий верность высказанного выше тезиса: самое древнее искусство на Новгородской земле, наверное, резьба по дереву. Самые ранние деревянные ковши, обнаруженные на раскопках, относятся к X в., самые поздние – к XIV в., однако формы их, по наблюдению исследователей 50-60-х гг. XX в. В. Седова и И. Засурцева, были почти идентичны! Шесть веков держались каноны и приемы народных мастеров! Объяснить это можно тем, что сложившиеся в древности приемы были тесно связаны с магическими языческими обрядами, праздниками-братчинами, традициями пира, где вкруговую зелье пьется из ковша, в X–XII вв. они «накладываются» на православные христианские праздники. В органичном симбиозе приемы ремесленников доживают вплоть до XX в.! В России, наверное, наиболее свободно, органично безболезненно произошло наложение православия на язычество, одной культуры на другую. И основу этой органики нужно искать в Древней Руси XII–XIII вв.

Если же говорить о специфике выбора материала новгородскими ремесленниками, то и тут есть свои особенности. Так, в области литья, серебряного дела новгородцы мало отличались от коллег из западноевропейских цехов, не уступая ни в качестве, ни в количестве продукции. А вот по части работы с деревом мастера Древней Руси опережали мастеров дальнего зарубежья (не говоря уже о ближнем)...

Весь быт Древней Руси был связан с деревом, лесом. Из бревен рубились дома, на досках писались иконы, из дерева вытачивали посуду, выстругивали ковши и ложки, вырезали шахматы, из бересты сворачивали туеса, на бересте писали грамоты...

Мебель, сделанная древнерусскими мастерами, была проста и прочна. Декор мебельный свидетельствовал об умении сочетать яркость с масштабностью, простоту с монументальностью. До XII в. мебель вообще делалась, как правило, не столярами из специальных мастерских, а самими горожанами (не говоря уже о селянах) – коробка, лавки, стулья, столы делали для себя, как правило, сами. Иногда проявляя при этом большую смекалку и фантазию, создавая мебельные шедевры из кривулин-развилкок, корневищ. В XII в., веке расцвета древнерусских ремесел, появляется мебель «рангом» повыше, – созданная ремесленниками, специализирующимися на ее изготовлении. Появляются кресла и скамьи-лавки со спинками. Новгородскими экспедициями обнаружено свыше десятка разных спинок кресел и узорных спинок скамей XII–XVI вв.

Мастера-профессионалы делали и относящиеся к этой далекой эпохе братины, ковши, станцы, кубки, чаши и чарки, блюда, украшенные узорочьем, выточенные на токарном станке, – они пришли на смену долбленной посуде, делавшейся самими селянами и горожанами, но и после появления «токарной» посуды долбленная еще долго бытовала в древнерусском городе и селе.

Реже мебель, чаще посуда для усиления декоративного, а может быть, как предполагает Г. Бочаров, и магического начала украшаются либо гравированными и красочными изображениями различных чудовищ, либо получают скульптурные навершия в виде головок фантастических животных.

Открыв современной цивилизации древнерусские декоры, изделия из дерева, металла, кости, глины, археологи, а затем и искусствоведы более всего поразились и порадовались не столько даже высокому мастерству, сколько... доброте, в них заложенной. Это были вещи, созданные людьми православными, нацеленными на доброе отношение к окружающему миру. Как писал Г. Бочаров, древнерусской культуре был чужд «дух устрашения»: в орнаменте, в скульптурных навершиях почти не встречаются «чудовища», которые вызвали бы неприятное чувство. Иногда – строгость, чаще – юмор и насмешка, добродушие.

Искусство православных жителей Древней Руси было строгим, монументальным, иногда – возвышенным, иногда – по-мужицки заземленным, но всегда человечным и жизнерадостным, оптимистичным (вспомним одну из заповедей христианства: уныние и отчаяние – тоже грех!).

И второй, очень важный момент, который мне чрезвычайно близок и понятен в искусстве Древней Руси X–XIV вв. и который как бы приближает к нам ту далекую эпоху изографы ли, кузнецы, резчики по дереву, мебельщики или гончары, все они работали на достаточно высоком уровне, при том что, как и в другие эпохи, существовали люди разных талантов. Но – почти каждое художественное произведение этой драматичной, но светлой по духовности эпохи было создано на высоком художественном уровне *вне* зависимости от того, делалось оно для себя или для продажи. И на продажу делали как для себя, любовно и старательно. И это, по мнению специалистов по эпохе, в значительной степени подготовило расцвет профессионального искусства XII–XIV вв., опиравшегося на народные традиции, на опыт и мастерство простых ремесленников.

Высокие достижения народного, ремесленного искусства Древней Руси питали и гениальные всплески в храмовых росписях, и удивительное развитие светского жилого интерьера, дворцовые росписи. Как пелось в былине, «на небе зори, и в тереме зори, все в тереме по-небесному» – красным да лепым был, видно, интерьер жилища древнерусского князя, расписанный древним мастером и описанный в былине.

И красоту оценить жители Древней Руси могли, и посмеяться над собой.

В 1956 г. в Неревском раскопе Новгорода был найден небольшой камень с карикатурным изображением новгородца, может быть, первым в русском искусстве дружеским шаржем... Находка датируется XI в.

В отличие от камня дерево – материал недолговечный, но и о XI, и наверняка о XII в. можно судить по сохранившимся памятникам резьбы и росписи по дереву. Как ни странно, реже встречаются в раскопках произведения из кости – казалось бы, материала более прочного.

Дело тут не в материале, а в менталитете жителя древнерусского города или села: дерево было материалом более привычным и близким, обработкой кости занималось сравнительно мало мастеров, тогда как по дереву работал каждый второй.

Однако изучение находок из кости не просто раздвигает наши представления об уровне художественных ремесел Древней Руси, но и позволяет – вновь – увидеть взаимосвязь искусств и ремесел в ту эпоху, столь важную для развития последующих эпох русской культуры. Так, относящаяся к XII в. рукоять ножа, обнаруженная в новгородском раскопе, выполнена в виде рыбы сига. Кружочки – глазки, целиком покрывающие поверхность предмета, начинают смот-

реться как рыба чешуя. Такая орнаментация рукоятки препятствует скольжению вещи в руке, приобретая тем самым определенную утилитарность. Интересно, что впоследствии мотивы рукоятей-рыб были использованы новгородскими книжными писцами-орнаменталистами.

Костяные находки, относимые археологами к XII в., как отмечали еще в конце 40-х гг. XX в. С. А. Изюмов и позднее А. В. Арциховский, могут многое рассказать о быте наших предков в ту эпоху, – из кости делались различные инструменты, украшения для книг и одежды, накладки налучий, костяные петли колчанов, женские украшения с изображением русалок и драконов.

... Чем дольше изучают ученые Древнюю Русь, тем больше узнают о ней, о себе, о народе нашем. Вот, скажем, долгое время считалось, что в Древней Руси были лишь привозные вещи из стекла. Археологи опровергли это предположение: при раскопках Смоленска, Полоцка, Любеча, Рязани и других городов были обнаружены не только работы древнерусских мастеров из стекла, но и целые стеклодувные мастерские. Более того, внедрение новых методов в археологию, в частности спектрального анализа, позволило выявить свинцово-кремнеземное и калиево-свинцово-кремнеземное стекло, неизвестное нигде, кроме Руси. Это позволило точно определить, что произведения из стекла, созданные из этих составов в домонгольскую эпоху, были созданы именно русскими мастерами.

Русское стекло было очень высокого качества. Как доказал Л. А. Безбородов, оно не покрывалось перламутровым налетом от долгого пребывания в земле, как византийское, оно было совершенным по технике, – браслеты, бусы, посуда изготавливались путем вытягивания, навивки, накручивания, т. е. способами, филигранно заимствованными находчивыми русскими из других ремесел, в частности металлообработки. Уже в XI–XII вв. из стекла (русского стекла!) в Древней Руси делались украшения и посуда, и даже... оконное стекло. И хотя стеклодувные мастерские пока не найдены в ряде русских городов, были они повсеместно, что доказывает большое количество найденных повсюду изделий из русского стекла. По мнению археологов, начало бытования стекла в Древней Руси – X–XI вв., расцвет – XII–XIV вв. Причем – еще одно проявление высокого колористического, эстетического вкуса наших предков из Древней Руси – стеклянные изделия отличались тонкой и разнообразной цветовой гаммой, с преобладанием фиолетового цвета. М. Д. Полубояринов в своем исследовании о стеклянных браслетах древнего Новгорода отметил такую любопытную особенность, он задумался, почему едва ли не половину всех находок составляли темные браслеты! И исток этой эстетической, на первый взгляд, традиции стал искать в... технологии. И обнаружил удивительную, но уже привычную находчивость русского человека. Дело в том, что средневековая технология была такова, что любое отклонение от нормального режима варки приводило к получению не прозрачной, а темно-грязной массы. Ошибки, особенно у подмастерьев и учеников, случались достаточно часто – не выбрасывать же добротное сырье. И мастера нашли выход: они придавали браслетам из темной массы сложные формы, дополняя их цветной перевитью, изделие приобретало особую нарядность... В конце XIV в. мода на стеклянные украшения проходит. И мастерские хиреют. У каждого искусства и ремесла – свое начало, свой пик, своя судьба...

История стеклодувных мастерских в Древней Руси – своего рода срез менталитета и культуры древнерусского горожанина. Как пишет Э. Ю. Шапова в исследовании «Стеклянные изделия древнего Новгорода», история стекла Древней Руси интересна общей связью и историей декоративно-прикладного искусства профессиональных изографов: как и в других случаях, древние новгородцы, например, не только из произведений своих земляков (где они диктовали спрос и, следовательно, «заказывали музыку»), но и среди привозных изделий отбирали лишь то, что отвечало местным вкусам, лишь те изделия, которые отвечали их представлениям о красоте.

Древняя Русь прислушивалась и тогда к «мировой моде», но, не пытаясь диктовать миру свою, жила-то по своим законам, в том числе и в сфере прекрасного. Своя жар-птица была

у каждого гордого рязанца или новгородца, смолянина или ярославца. И у каждого мастера Древней Руси было свое перо жар-птицы. Уж коли ухватил, не выпустит. Именно поэтому искусство Древней Руси и сейчас вызывает самый живой интерес. Там – истоки нашей сегодняшней самобытности. И – завтрашней.

Связь времен и искусств

Удивительно перекликаются в Древней Руси разные искусства и ремесла, то одно доминирует, то другое, воздействуя друг на друга, стимулируя друг друга, воспринимая быстро и доброжелательно друг у друга опыт и достижения.

Принятие христианства дало могучий толчок развитию искусств, оно способствовало совершенствованию каменного зодчества, а с ним и монументальной, а затем и станковой (иконной) живописи. Ведь живопись была органичной частью православного храма. Стены, купола, своды храма покрывались фресковыми росписями, которые вместе с декоративной скульптурой, отделкой интерьера, драгоценной утварью создавали единый художественный ансамбль.

И первые века жизни «в православии», X–XI, доминировала именно монументальная живопись – мозаика, фреска...

Изучение этих памятников Древней Руси многое приоткрывает в духовной жизни русского православного человека, ибо искусство тогда было далеко не так уж условно и отвлеченно, каким стало позднее. Нередки были портретные изображения, причем наделенные острой характерностью. Однако усиление проповеди монашества, аскетизма, отрицания земного мира уже в начале XII в. формирует новый стиль, для которого характерны условность и отвлеченность. Человеческие лица в живописи становятся все более бесстрастными, утрачивают индивидуальные особенности.

В XII–XIII вв. в зодчестве и живописи все ярче обрисовываются местные школы, связанные с процессом дробления Руси и самостоятельной переработкой старой художественной традиции X–XI вв. в новых региональных культурных центрах, таких, как Владимир, Новгород, Псков и Старая Ладога. Среди них в хорошем состоянии до нас дошли, например, части росписи конца XII в. Дмитриевского собора во Владимире – дворцового храма князя Всеволода Большое Гнездо. По формулировке М. К. Каргера, это «последний яркий отзвук эллинистической традиции в русском искусстве».

Как всегда, богатую пищу для размышлений о взаимосвязи искусств в Древней Руси дают памятники Великого Новгорода. Жемчужина архитектуры эпохи и ее монументальной живописи – собор Софии, выстроенный в 1045–1050 гг. Роспись была завершена в 1105 г. А в 1144 г. были исполнены фрески в притворах. И хотя от росписи сохранились лишь фрагменты, они дают представление о стиле художественной эпохи. Не только русские надписи, но и существенные особенности в трактовке лиц и фигур, сближающие эти фрески с более поздними новгородскими росписями XII в., не оставляют у специалистов сомнений в том, что фрески 1106 г. были исполнены русскими, по-видимому новгородскими, мастерами.

Одним из самых драгоценных памятников культуры Древней Руси – до разрушения храма фашистами в годы второй мировой войны – была роспись Спаса-Нередицы (1199). Когда-то все стены, столбы, своды, арки и купол храма были покрыты фресками, сохранившимися на протяжении долгих веков. Своеобразный новгородский колорит с преобладанием ярких, интенсивных цветов: красно-коричневых, желтых, зеленых, белых и синевато-голубых, характерный рисунок, русские надписи с пробивающимся местным говором – все это не оставляло у специалистов сомнений в новгородском происхождении мастеров церкви на Нередице. Причем М. К. Каргер приводит крайне любопытное наблюдение, свидетельствующее и о национальных, и о художественных чертах менталитета «творческой интеллигенции» Древней Руси.

Он, например, обратил внимание на то, что над росписями работала целая группа живописцев, каждый из которых, в рамках обязательных иконографических схем, сумел сохранить свою творческую индивидуальность. При внимательном «прочтении» росписей становилось очевидно, что один мастер писал широким живописным мазком, другой имел склонность к графической манере, третий соединял живописность с четким графическим контуром. И при всем своеобразии почерка каждого вместе они создали удивительно целостную по композиции и единству иконографической схемы роспись...

Монгольское нашествие нанесло тяжкий удар по художественной культуре Древней Руси. Культура была на подъеме, на взлете. Как птицу подбила древнерусскую культуру татарская стрела. Даже для Новгорода, избежавшего непосредственной встречи с иноземными полчищами, это было тяжелейшей травмой, ибо культура развивается не только на почве взаимовлияний разных видов искусств.

Можно было выжить на новгородском островке русскости, но сохранить, а тем более развить художественную традицию на острове крайне трудно...

Однако золотые перья жар-птицы русской культуры не были сожжены в пожарищах войн и нашествий. И уже к 90-м гг. XIII в., и особенно в первые десятилетия XIV в. начинается возрождение, русский Ренессанс. Не потеряв в годы татарского ига свои традиции, сокровища, духовность, Новгород начинает лидировать в этом процессе.

Мощный подъем русской культуры в конце XIV в., последовавший за Куликовской битвой, способствовал тому, что в русском искусстве XIV в. черты нового художественного движения проявляются с каждым новым десятилетием с новой силой.

Гораздо большей силой и свободой отличается и русская живопись этой эпохи – для нее становится характерной установка на эмоциональное раскрытие образа человека. Начинается это «очеловечивание» живописи с фрески, продолжается в станковой живописи – иконе.

Замечательный памятник этой эпохи – собор Снетогорского монастыря во Пскове с удивительными росписями, исполненными в 1313 г. У специалистов нет сомнений – они созданы были местными, псковскими мастерами. И вновь связь искусств увидели здесь исследователи: фрески «корреспондируются» с более поздними псковскими изображениями...

Но не порывались и связи с византийской традицией, с поисками мастеров европейского Возрождения.

Как считают исследователи культуры этой эпохи, эта связь просматривается в монументальных росписях церкви Успения на Волотовом поле. Памятник этот погиб в годы второй мировой войны, а с его гибелью прекратилась и дискуссия вокруг него. Споры были и по датировке росписей (1363? 1352? 80-е гг. XIV в.?), и вокруг авторства – то ли грек, то ли новгородец, русский? Однозначно соглашались – шедевр, да еще и перекликающийся динамикой построения композиции и отдельных фигур, глубоким эмоциональным напряжением, ролью архитектурного пейзажа с фресками и мозаиками Константинополя, Сербии, Болгарии, Греции, Грузии...

Необходимо сказать, что славянские связи в Древней Руси были развиты значительно сильнее, чем можно было бы предположить, не обращаясь к памятникам культуры. Так, погибшие в годы второй мировой войны фрески церкви Спаса на Ковалеве в Новгороде были исполнены в 1380 г. – еще одно свидетельство своеобразия развития художественной культуры эпохи – на средства некоего Афанасия Степановича и «подружки» (жены) его Марии, как сообщила об этом надпись над западным входом в храм. По мнению специалистов, росписи были созданы, скорее всего, сербскими мастерами. Балканские мастера, работавшие в Ковалевском храме, несли в своем искусстве традиции византийской живописи XIV в., однако, что весьма примечательно, уже усложненные и обогащенные, переосмысленные в русской художественной среде.

Так изучение памятников архитектуры и монументальной живописи Древней Руси подводит к сложным размышлениям о взаимосвязи культуры во времени и пространстве, о связи архитектуры, монументального и прикладного искусства. Каждому непредубежденному зрителю становится очевидно: у этой культуры были глубокие корни в народном многовековом творчестве, у нее была монолитная православная база, ей были свойственны широта и многообразие стилей и культурных связей. И она выстояла, продемонстрировала миру уникальное явление в истории мировой цивилизации.

Русский православный календарь

Древняя Русь вела отсчет времени по лунным фазам, вставляя лишний месяц, чтобы календарь не расходился с временами года. Славянские названия месяцев (просинец, цветень, листопад) свидетельствуют о тесной зависимости людей от природы, сроков сельскохозяйственных работ, а, следовательно, величины урожая. В 988 г., после крещения, на Русь пришло христианство, а с ним и свой церковный календарь. В быт вошли иконы, почитание святых, пострадавших за веру в первые века христианства, посты, молитвы. Люди с трудом привыкали к новой религии, и потому христианские праздники, особенно совпадавшие по времени с языческими, они старались наполнить близким им смыслом. Постепенно сплав церковного и народного календарей, происходивший в течение нескольких веков, сделал жизнь православного христианина необыкновенно мудрой и поэтичной.

ЭПОХА «МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА»

Россия и русские... «Огромность» России и загадочная русская душа... Многие русские философы прошлого задумывались о взаимосвязи русского характера и созданной волей и характером русских огромной и сильной страны. «В душе русского народа есть такая же необъятность, безграничность, устремленность в бесконечность, как и в русской равнине», – писал великий русский философ Н. А. Бердяев (1874–1948) в сочинении «Русская идея». В другой своей работе – «Судьба России» – он рассматривает такой парадокс: «Россия – самая безгосударственная, самая анархическая страна в мире. И русский народ – самый аполитичный народ никогда не умевший устраивать свою землю.<...> Русский народ создал могущественнейшее в мире государство, величайшую империю. С Ивана Калиты последовательно и упорно собиралась Россия и достигла размеров, потрясающих воображение всех народов мира».

Как возникло государство Российское? Как вообще могло случиться, что народ, только что сбросивший многовековое иго, смог так быстро создать державу мирового значения? Что же такое было в идее русской государственности, что привлекло «под руку» Москвы другие народы? Какие общегуманистические идеи русского православия позволяли сравнительно мирным и бескровным путем расширять и границы Русского государства и границы русского православия? Какие русские князья (а затем – цари), в силу каких объективных обстоятельств или (и?) личных своих качеств сумели реализовать созревающую в русском народе идею русской государственности? XV–XVI вв. в этом плане самые, наверное, определяющие в истории государства Российского...

С оговорками можно сказать, что становление государства Российского пришлось на эти два века – XV и XVI, время, которое называли «эпохой Московского царства». Век рождения России...

Россия! Это гордо звучащее для уха россиянина имя как раз и родилось в конце XV в. Еще продолжали называть страну, возникшую в результате объединения древних русских земель вокруг Москвы, Русью, как повелось со стародавних времен. Иные называли ее Московией, а обитателей – москвитями. Но все чаще и чаще звучало, постепенно выходя на первый план, и новое имя – Россия!

Два первых века централизованной России были полны великими и трагическими событиями – оборона от иноземцев южных и западных рубежей, превращение великого княжества в царство, смелые реформы, четвертьвековая Ливонская война, присоединение Сибири, опричнина, закрепощение крестьян, воссоединение Украины с Россией, крестьянские войны...

Века в истории нашего Отечества драматичные, противоречивые и во многом загадочные... Можно спорить о том, чем было для Руси татарское иго и чем стало для России «Московское царство». Бесспорно одно: вряд ли в мировой истории есть иной пример «восстановления из пепла» державы мирового значения. «Атлантиды», как правило, гибнут, оставляя о себе лишь воспоминания. Или, подобно Греции и Риму, отзвуки – порой принципиального значения, но лишь отзвуки, – как в европейской культуре эпохи Возрождения.

Иначе произошло у нас. Из Руси родилась могучая Россия. Как это произошло? Интересную концепцию развития этого процесса в истории нашего Отечества предложил крупный русский историк, философ культуры, богослов и публицист Георгий Петрович Федотов (род. в 1886 г. в Саратове, умер в 1951 г. в Бэконе, штат Нью-Джерси, США), произведения которого лишь в самое последнее время стали доступны нашему читателю. В статье «Россия и свобода» он указывает, что Москва своим возвышением была обязана татарофильским, предательским действиям своих первых князей, что воссоединение Руси, создание могучего централизованного государства осуществлялось через насильственные захваты территории, вероломные аресты князей-соперников при поддержке церковных угроз и интердиктов. «Не извне, а изнутри

татарская стихия овладевала душой Руси, проникала в плоть и кровь». Да и само собирание уделов, считает Г. П. Федотов, совершалось «восточными методами»: снимался весь слой населения и уводился в Москву, заменяясь пришлыми и чужими людьми, выкорчевывались местные обычаи и традиции. «Кто из тверичей, рязанцев, нижегородцев в XIX веке помнил имена древних князей, погребенных в местных соборах, слышал об их подвигах, о которых мог бы прочитать на страницах Карамзина?... Малые родины потеряли всякий исторический колорит, который так красит их... Русь становилась сплошной Московией, однообразной территорией централизованной власти: естественная предпосылка для деспотизма».

Но старая Русь не сдалась без борьбы, пишет далее Г. Федотов. И нам сегодня остается лишь размышлять: была ли иная возможность для рязанцев да нижегородцев сохранить в тех условиях свою «малую родину», кроме как влиться в «большую»?

Наиболее активно эта оппозиция деспотизму проявляется в XVI в., что, кстати, само по себе говорит, что оппозиция была не столько централизации и созданию единого государства Российского под рукой московских князей, сколько деспотии этих князей, что уже относится к другой группе факторов – субъективных. Да, нас и сегодня привлекают в тех стародавних временах борцы за свободу, пусть даже выступали они за далекую для сегодняшних читателей свободу церковных деятелей, аристократов, бояр. «Русская церковь раскололась между служителями царства Божия и строителями Московского царства. Победили осифляне (в современной транскрипции иосифляне. – Г. М.) и опричники. Торжество партии Иосифа Волоцкого над учениками Нила Сорского привело к окостенению духовной жизни. Победа опричников, нового «демократического» служилого класса над родовой знатью означала варваризацию правящего слоя, рост холопского самосознания в его среде и даже усиление эксплуатации трудового населения». И далее Федотов делает то, что до последнего времени в отечественной историографии было не принято: рассматривает альтернативы исторического развития России. Что было бы, если бы исторические события развивались несколько иным путем? Это интересно даже тогда, когда речь идет о незначительных событиях отечественной истории, здесь же – о переломном этапе! Давайте задумаемся вместе с русским историком и философом, «что было бы, если бы «ближней раде» Адашевых, Сильвестров и Курбских, опираясь на земский собор, удалось начать эру русского представительного строя? Этого не случилось. Князь Курбский, этот Герцен XVI столетия, с горстью русских людей бежавший из московской тюрьмы, спас в Литве своим пером, своей культурной работой честь русского имени. Народ был не с ними, народ не поддержал боярства, возлюбил Грозного. Причины ясны. Они всегда одни и те же, когда народ поддерживает деспотизм против свободы <...>: социальная рознь и национальная гордость. Народ имел, конечно, основания тяготиться зависимостью от старых господ и не думал, что власть новых опричных дворян несет ему крепостное право. И уж, наверное, он был заворожен зрелищем татарских царств, падающих одно за другим перед царем московским. Русь, вчерашняя данница татар, перерождалась в великую восточную державу:

А наш белый царь над царями царь
Ему орды все поклонилися»

Вчитываясь в статью Г. П. Федотова, постепенно постигаешь его взгляд на философию русской истории. Он не отрицает необходимость и прогрессивный характер объединения русских земель под «рукой Москвы», а говорит лишь о «восточных методах» этого объединения, он приветствует возрождение Руси в XV–XVI вв., создание могучего Русского государства. Но и предлагает задуматься над альтернативой: а не была бы Русь более, если хотите, цивилизованной страной, если бы победила линия «ближней рады» – Адашева, Сильвестра, Курбского, не меньших, право, патриотов земли Русской, чем, скажем, Малюта Скуратов? Кто знает, произойди такое, победи идеи Нила Сорского и Андрея Курбского, вся наша история могла бы

быть иной, Россия, без сомнения, и при таком развитии событий была бы ныне великой державой, но сколько крови не пролилось бы, скольких ненужных жертв удалось бы избежать, насколько органично вошла бы она сегодня в мировое сообщество цивилизованных народов...

Драматизм истории нашего Отечества еще и в том, что в такого рода альтернативных ситуациях «выбор пути» Россией далеко не всегда был удачным. Дискуссия вокруг «неизбежности», «закономерности» татарского ига, обусловленного раздробленностью русских земель, княжеской междоусобицей. Есть в историографии и концепции, согласно которым татарское иго не имело для Руси сколько-нибудь драматических последствий. Рассмотрение истории России в контексте нескольких предшествующих и последующих веков не дает возможности с этим согласиться. Надолго отбросило назад Россию татарское иго. Казалось, после веков рабства не поднимется, не выпрямится «земля Русская, упоенная кровью, усыпанная пеплом», ставшая «жилищем рабов ханских», пишет Н. М. Карамзин в статье «О Древней и Новой России» (она была сочинена для императора Александра в 1811 г., оставалась в неизвестности до 1837 г., когда отрывок из нее напечатал А. С. Пушкин в «Современнике»). Но, продолжает знаменитый русский историк, «сделалось чудо. Городок, едва известный до XIV в. от презрения к его маловажности, долго именуемый селом Кучковым, возвысил главу и спас отечество. Да будет честь и слава Москве!»

И далее: «Глубокомысленная политика князей московских не удовольствовалась собранием частей в целое: надлежало еще связать их твердо, и единовластие усилить самодержавием. Что началось при Иоанне I, или Иване Калите, то совершилось при Иоанне III: столица ханская на берегу Ахтубы, где столько лет потомки Рюриковы преклоняли колена, исчезла навеки, сокрушенная мстостью россиян. Новгород, Псков, Рязань, Тверь присоединились к Москве вместе с некоторыми областями, прежде захваченными Литвой. Древние юго-западные княжения потомков Владимировых еще оставались в руках Польши; зато Россия, новая, возрожденная, во время Иоанна IV приобрела три царства: Казанское, Астраханское и неизмеримое Сибирское, дотоле неизвестное Европе».

Если Г. П. Федотов акцентирует внимание на «азиатских» формах объединения Руси, то Н. М. Карамзин – на прогрессивном характере самого акта объединения.

Наиболее логичен в оценке важнейшего для судьбы России процесса другой наш известный дореволюционный историк – С. М. Соловьев. Общее направление его рассуждений в «Истории России с древнейших времен» логически безупречно и подтверждено анализом большого фактического материала. Он считал, что образование Русского централизованного государства было исторически подготовленным, объективно обусловленным историческим явлением. Во всяком случае, как справедливо пишут авторы комментариев в книге Ш. А. М. Сахаров и В. С. Шульгин, читатель найдет в пятом и шестом томах «Истории России...» С. М. Соловьева «ряд верных конкретных наблюдений над взаимной связью политических процессов в течение одного из важнейших и сложных периодов русской истории – периода укрепления русского централизованного государства».

Портрет в контексте истории. Государи ИВАН III: ЕГО ДЕЛА И ВРЕМЯ

Имя Ивана III упоминалось и будет упоминаться во многих очерках данного раздела. И это закономерно. Если исходить из ставшего естественным для нашего сегодняшнего мировоззрения приоритета общегуманистических принципов над классовыми, придется признать, что цари русские далеко не все были тупыми самодурами. Ивана III можно уверенно назвать выдающимся русским государственным деятелем, проявившим незаурядные военные и дипломатические способности. Именно при нем русские земли обрели единство, сбросили татаро-монгольское иго.

Иван был умелым политиком, патриотом и Руси, и ее столицы – Москвы. При нем русские архитекторы и умельцы вместе с приглашенными из Италии мастерами начали перестройку Кремля, были воздвигнуты донныне поражающие гармонией и красотой Успенский и Благовещенский соборы, заложен Архангельский, многие светские дворцовые здания.

Глава могучего государства, Иван III к титулу великого князя и государя прибавляет слова «всёя Руси» (такие попытки делалась и ранее, при Иване Калите например, но амбиции тогда не подкреплялись реальной властью; теперь же она была). И дело тут не в тщеславии русского государя, а в престиже России в делах международных.

И вот уже Папа римский спешит укрепить дружеские связи католического мира с православной Россией, представшей могучей и великой перед лицом изумленной Европы. Ивану III предлагается рука православной христианки Зои Палеолог, воспитывавшейся после взятия турками Константинополя в 1453 г. при дворе римского Папы. И на брак этот Иван III соглашается во имя престижа России. Жена русского государя получила при венчании имя Софьи. Брак этот поднял международный авторитет Ивана III.

Где с помощью брачной церемонии, где – оружием дипломатии, в коей был весьма искусен, а где и мечом добивается Иван III все новых успехов во имя России. С его именем связаны ликвидация ордынского ига, временное ослабление угрозы со стороны Крымского и Казанского ханств. Столь же успешной была и внутривластная деятельность Ивана III. По воспоминаниям современников, был он грозен с подданными, но мудр в делах государственных. Склонностью своею добиваться успехов, говоря языком летописи, «многаго совета ради с мудрыми и мужественными» соратниками своими и «ничего не начинати без глубочайшего и многаго совета» Иван III напоминает Петра I.

«Создав Российское государство, – уверенно утверждает В. Ф. Антонов – он заложил основы ее государственных учреждений, дал ему и новый общероссийский закон. Он стал основателем и строителем его».

Формально Иван III оставался великим князем. Однако ему удалось закрепить за своими наследниками титул царя и самодержца. При нем вошел в практику торжественный придворный церемониал.

Но это все – как бы внешний антураж царской власти. Для последующей судьбы России куда важнее были другие нововведения Ивана III. Это и рост влияния Боярской думы (Иван III «встречи», т. е. выражения непокорности, не терпел, но с мнением бояр считался, с Думой – советовался). Это и совершенствование управления государственными делами, сформировавшее фундамент нового аппарата власти – приказов XVI в. Это и принятие в 1497 г. Судебника, создавшего новое судопроизводство. Надо сказать, что ни Англия, ни Франция, ни Германия общегосударственных законов, подобных Судебнику Ивана III, тогда еще не имели.

Разумеется, Иван III создавал Российскую державу как феодальное, классовое государство, отмечает А. Дегтярев в книге «Трудный век Российского царства». Конечно же, будучи сыном своего жестокого века, он бывал жесток (и прозвище Грозного тоже заслужил), бывал

и коварен в отстаивании своих интересов. Но обладал замечательным качеством (отмечаемым и Карамзиным, и Ключевским, и Соловьевым, и советскими историками), ставящим его в ряд выдающихся государей тогдашней Европы: когда надо было решать государственные дела, умел подниматься выше личных интересов и предрассудков времени. Его биографы, современники, дворянские и буржуазные историки последующих веков, соотечественники и иностранцы отдавали должное радению Государя всея Руси за интересы Отечества. Так, отмечают, что он охотно использовал передовой опыт западноевропейской науки и техники, поощряя занятия и в своей отчизне. Он приглашал в Россию видных архитекторов, врачей, деятелей культуры, мастеров. Обладая тонким знанием человеческих характеров, он выдвигал из окружающей среды талантливых полководцев, умных дипломатов, деловых администраторов, порою вопреки дворцовой интриге.

К концу княжения Ивана III мы видим его сидящим на независимом троне. Истинный строитель новой России, он действительно сделал ее сильной и независимой. Но был государь и феодалом жестоким, так как был человеком своего времени. Пословица тех лет гласила: «Которая служба нужнее, та и честнее». В XVI в. «служба» Государя всея Руси оказалась нужней для объединения всех русских земель в могучее независимое государство. Этой праздничной нотой и можно было бы закончить сюжет, но «материал» протестует. Право, заслуживает Иван III более детального портрета...

Один из лучших портретов Ивана III принадлежит Н. М. Карамзину, обратимся к нему. Итак, московский князь Иван III пробыл на великокняжеском престоле 43 года. В далеком 1462 г. он унаследовал от отца, Василия Темного, ослепленного в молодости соперниками, большое Московское княжество, территория которого составляла 400 тысяч квадратных километров.

А сыну своему княжичу Василию Иван III оставил огромную Державу, ее площадь выросла в пять раз и превышала 2 миллиона квадратных километров.

Стремительное завершение формирования Русского государства и длительное княжение Ивана III современникам Н. М. Карамзина казалось тесно связанным. Ведь недаром подданные Ивана III называли его и Грозным, и Великим. Лишь постепенно эта фигура потускнела на историческом небосклоне и «громкие» прозвища закрепились за его потомком и преемником – Иваном IV и Петром I.

Задача историка сходна с задачей художника – реставратора – снять тусклую паутину времени, дать возможность заиграть первозданными красками иконе или парсуне, персонажу или бытию историческим.

Если отказаться в историографии от поздних наслоений антимонархизма, от вульгарно-социологических подходов, выйти из-под магии обаяния таких государей, как Петр I, отвлечься от ужасов опричнины времени Ивана Грозного, сделавшей его в сознании народном и памяти не менее знаменитым, чем государи для Руси более полезные и к народу добрые, то и окажется, что несправедливо мало знаем мы об «государе державном и великом князе Иоанне III Васильевиче», как называет его Н. М. Карамзин в посвященной ему главе «Истории государства Российского».

На двадцать втором году жизни сделался он государем.

«Но в лета пылкого юношества он изъяслял осторожность, свойственную умам зрелым, опытным, а ему природную: ни в начале, ни после не любил дерзкой отважности: ждал случая, избирал время; не быстро устремлялся к цели, но двигался к ней размеренными шагами, опасаясь равно и легкомысленной горячности, и несправедливости, уважая общее мнение и правила века. Назначенный судьбою восстановить единоедержавие в России, он не вдруг предпринял сие великое дело и не считал всех средств дозволенными».

Не будем идеализировать Ивана III, был он достаточно противоречив. Впрочем, как и его время. Однако перечитайте последнюю фразу в «характеристике», данной Ивану III Н. М. Карамзиным: «... не считал всех средств дозволенными в выполнении великого дела...» Дорого стоит такое качество у правителя. А в остальном, что ж... Был он сыном своего времени, нес в себе все его черты. Как верховный правитель феодального государства он действительно немало сделал для того, чтобы уже в обозримом будущем поднялось и окрепло, стало первым сословием государства русское дворянство. Как полководец, воевал с себе подобными средневековыми правителями. Но воевал не ради грабежа, не за присоединение чужих владений, а за возврат в российское лоно земель древней Киевской державы. Под знаком этой борьбы и прошел почти полувековой срок его княжения. Точно сказано у Н. М. Карамзина: «Россия Олегова, Владимирова, Ярославова погибла в нашествие монголов; Россия образована Иоанном; а великие державы образуются не механическим сплелением частей, как тела минеральные, но превосходным умом державных».

А ведь «принял» он государство в час нелегкий. Московское княжество, хотя и было уже самым крепким среди русских земель, в середине XV в. еще подвергалось многим опасностям и зависело от Орды. На северной границе (в 80 верстах от Москвы!) – лежали владения самоуправных тверских князей, на юге – в ста верстах – сторожевая линия против татарских набегов. На западе – в сотне верст от Можайска – владения великого князя литовского, некогда захватившего у России смоленские, брянские и другие земли.

А уже во второй половине XV в. Московское княжество превращается из просто сильного княжества в мощную централизованную державу. И все это – при Иване III.

Без кровопролитных боев добывается Иван III (после «стояния на Угре» в 1480 г.) полной и окончательной независимости. Он вообще, по наблюдению историков, умел превращать военные проблемы в дипломатические, владея обоими этими искусствами – военным и дипломатическим – в равной мере.

Целеустремленно и упрямо создает он Российское государство: вначале отбил от Орды, потом способствовал добровольному присоединению Ярославского княжества, Пермской земли, Ростовского княжества... В 1478 г. частью Русского централизованного государства стала богатейшая феодальная республика Господин Великий Новгород. Еще через семь лет Иван III завершает борьбу с непокорной Тверью. В 1489 г. был предпринят поход московитов в Вятскую землю. К Москве присоединились и один за другим присягнули на верность московскому князю удельные князья вяземские, новосильские, мезецкие и другие.

Идет «собрание» русских земель. В конце XV в. появляется новое имя Русского централизованного государства – Россия. Впервые мы встречаем его в летописях времени Ивана III. Постепенно «российский» начинает означать принадлежность к государству, а «русский» – к определенной народности. Россия изначально складывается как многонациональное государство.

Роль в этом процессе Ивана III высоко оценивали и его современники, и историки дореволюционные, и советские исследователи. А для Н. М. Карамзина Иван III – и вовсе любимый исторический персонаж.

«Иоанн, рожденный и воспитанный данником степной Орды... без учения, без наставлений, руководствуемый только природным умом дал себе мудрые правила в политике внешней и внутренней: силою и хитростию восстанавливая свободу и целостность России, губя царство Батыево, тесня, обрывая Литву, сокрушая вольность новгородскую, захватывая уделы, расширяя владения псковские до пустынь сибирских и норвежской Лапландии, изобрел благоразумнейшую, на дальновидной умеренности основанную для нас систему войны и мира, которой его преемники должны были единственно следовать постоянно, чтобы утвердить величие государства. Бракосочетанием с Софиею обратив на себя внимание держав, раздрав завесу между Европою и нами, с любопытством обозревая престолы и царства, не хотел мешаться в

дела чуждые: принимал союзы, но с условием ясной пользы для России; искал орудий для собственных замыслов и не служил никому орудием, действуя всегда, как свойственно великому хитрому монарху, не имеющему никаких страстей в политике, кроме добродетельной любви к прочному благу своего народа! Следствием было то, что Россия, как держава независимая, величественно возвысила главу свою на пределах Азии и Европы спокойная внутри и не боясь врагов внешних».

Чрезмерно благостная картина? Идеальный образ правителя?

Излишняя восторженность в создании образа Ивана III замечается и самим историком. И спустя несколько страниц он размышляет:

«История не есть похвальное слово и не представляет самых великих мужей совершенными. Иоанн как человек не имел любезных свойств ни Мономаха, ни Донского, но стоит как государь на высшей степени величия. Он казался иногда боязливым, нерешительным, ибо хотел всегда действовать осторожно. Сия осторожность есть вообще благоразумие: оно не пленяет нас подобно великодушной смелости; но успехами медленными, как бы неполными, дает своим творениям прочность.

Что оставил миру Александр Македонский? – славу. Иоанн оставил государство, удивительное пространством, сильное народами, еще сильнейшее духом правления, то, которое ныне с любовью и гордостью именуем нашим любезным отечеством».

Опять вроде бы начал скромно, избегая похвалы, кончил – панегириком. Ну а объективно то, что успел создать Иван III, с чем в историю любезного Отечества вошел?

Мы упомянули в основном его внешнеполитические акции по складыванию, собиранию российских земель в государство. Но ведь государство-то надобно было укреплять и изнутри.

Оно, скажем, не могло существовать без общего правопорядка и законодательства. Поэтому в 1497 г. был создан первый общерусский Судебник. Он, в частности, установил для крестьян срок перехода от владельца к владельцу – за неделю до Юрьева дня осеннего и неделю после него.

При Иване III росли города и села. С исчезновением мелких границ развивается торговый обмен.

Крепла страна, неплохо шли международные дела. Народ дает Ивану III прозвище Грозный (задолго до внука Ивана IV), но в похвальном смысле: грозный для врагов...

«Он умножил государственные доходы приобретением новых областей и лучшим порядком в собирании дани... – отмечает Н. М. Карамзин. – Вероятно, что казна имела также немалый доход от внешней торговли: недаром Великий князь столь ревностно заботился об ее безопасности в Азове и в Кафе...».

«Иоанн учредил лучшую городскую исправу или полицию...»

«Здесь же вместим одну любопытную черту его заботливости физическом благосостоянии народа». Историк имеет в виду не развитие Иваном III физкультуры и спорта в средневековой Руси, а борьбу с эпидемиями, с проникновением болезней из-за рубежа.

Или вот такая отмечаемая Н. М. Карамзиным привлекательная черта:

«... Иоанн в делах веры оглашал терпимость [к иноверцам] с усердием ко православию».

При Иоанне было совершено древнейшее, как пишет Н. М. Карамзин, «из всех описанных европейских путешествий в Индию» – тверичанина Афанасия Никитина. «В то время, как Васко да Гама единственно мыслил о возможности найти путь от Африки к Индостану, наш тверитянин уже купечествовал на берегу Малабара и беседовал с жителями о догматах их веры», – с истинно русским добродушным ехидством подмечает историк.

«История не есть похвальное слово...» Все так. Но разве не на пользу Отечеству был тот факт, что, по утверждению Н. М. Карамзина, «Иоанн, включив Россию в общую государственную систему Европы и ревностно заимствуя искусства образованных народов, не мыслил о введении новых обычаев, о перемене нравственного характера подданных;

... Иноземцам не заграждал пути в Россию, но единственно таким, которые могли служить ему орудием в делах посольских или торговых; любил изъяслять им только милость, как пристойно великому монарху, к чести, не к унижению собственного народа».

Многое началось на Руси с Ивана III. Даже герб российский – двуглавый орел (кто об этом сегодня помнит?) – был принят Иваном от царей греческих – по свойству (в силу родственных связей): Иван III соединил его на своей печати с гербом московским. На одной стороне был изображен орел, на другой – всадник, попирающий дракона, с надписью: «Великий князь Божиею милостию государь всея Руси».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.